РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

XXIII. № 35 СЕРЕДА, 5 ФЕВРАЛЯ 1886 г. ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. № 35 СЕРЕДА, 5 ФЕВРАЛЯ 1886 г. XXIII.

Въ этомъ нумерѣ шесть страницъ.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(годъ двадцать третій).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1886 ГОДЪ

съ 1-го февраля:

ВЪ МОСКВѢ:		НА ГОРОДА:	
на 11 мѣсяц.	9 р. 20 к.	на 11 мѣсяц.	10 р. 20 к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „
„ 1 „	1 „ 30 „	„ 1 „	1 „ 50 „

Подписная цѣна для заграничныхъ подписчиковъ: на 12 мѣс.—18 р., на 6 мѣс.—9 р., на 3 мѣс.—4 р. 80 к., на 1 мѣс.—1 р. 90 к.

Подписка принимается ежедневно, считая съ 1-го числа каждаго мѣсяца, въ Москвѣ: Мясницкая, противъ почтамта, Юшковъ пер., домъ № 4.

Доставляемыя въ редакцію рукописи авторамъ не возвращаются.

МОСКОВСКОЕ ФИЛАРМОНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО,

состоящее подъ Августѣйшимъ Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШАГО покровительствомъ.

Въ понедѣльникъ, 3-го марта 1886 г., въ Большой залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія

ИМѢЕТЪ БЫТЬ

ЭКСТРЕННЫЙ КОНЦЕРТЪ

въ пользу фонда музыкально-драматическаго училища московскаго Филармоническаго Общества,

съ участіемъ

Г-жи МАРЧЕЛЛЫ ЗЕМБРИХЪ

(ВО ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ).

НАЧАЛО ВЪ 9 ЧАСОВЪ.

Рояль с.-петербургской фабрики придворнаго поставщика К. М. Шредеръ изъ склада М. К. Грубеша, въ Москвѣ.

БИЛЕТЫ: кресла (число ограничено) по 10 руб., нумерованные стулья по 5 и 3 р., ненумерованные билеты за колонны по 2 руб. и на хоры по 1 руб. 50 коп. можно получать въ музыкальномъ магазинѣ Гутхейль, на Кузнецкомъ Мосту.

Гг. почетные и дѣйствительные члены Общества благоволятъ пріѣзжать съ ихъ особенными билетами; остальные билеты на этотъ концертъ недѣйствительны. 000-1*-1

ПРАВЛЕНІЕ МОСКОВСКАГО УЧЕТНАГО БАНКА.

На основаніи § 60 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Устава, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. акціонеровъ, что обыкновенное годичное общее собраніе назначается, по постановленію совѣта, въ субботу, 5-го апрѣля 1886 года, въ 12 часовъ дня, въ помѣщеніи Учетнаго банка, въ Москвѣ, въ Новомъ Гостиномъ дворѣ.

Предметы занятія общаго собранія назначаются совѣтомъ банка слѣдующіе:

1) Разсмотрѣніе годового отчета Учетнаго банка, баланса его оборотовъ за 1885 годъ постановленія по онымъ заключенія.

2) Выборы членовъ совѣта Учетнаго банка, на основаніи § 38 Устава банка, взамѣнъ выбывающихъ по очереди.

Согласно § 68 годовой отчетъ и балансы Банка будутъ выдаваемы акціонерамъ по ихъ требованію съ 20-го марта, отъ 12 до 2 часовъ по полудни, въ помѣщеніи Банка.

Согласно § 56 помянутаго Устава, общее собраніе составляется изъ акціонеровъ, владѣющихъ не менѣе какъ 25 ю акціями.

Дабы имѣть право участвовать въ собраніи, владѣльцы такого количества акцій обязаны представить свои акціи въ Правленіе Банка за одинъ мѣсяцъ до дня, назначеннаго для собранія, т. е. до 5-го марта 1886 года. 5293—1*—1

САРПИНКА ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ САРПИНКА

15 января получена въ большомъ выборѣ и поступила въ продажу выработанная по заказу

САРПИНКА НѢМЕЦКАЯ

гладкая, розлитная, полосатая и клѣтчатая. Цвѣта и рисунки сезона 1886 года. Продажа кусками и аршинами. Пересылка во всѣ города Россіи и Царства Польскаго. Полная коллекція образцовъ съ прейсъ-курантомъ высылается за 3 семикопѣечныя почтовыя марки. Конвертъ образцовъ безплатно.

Адресъ: Торговому дому ИВАНЪ КУЗНЕЦОВЪ и СЫНЪ, въ Саратовѣ. 193—2*—2

УВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ ТОРГОВАГО ДОМА СУКОННЫМИ ТОВАРАМИ

Н. ДАНИЛОВА и Ко.

Съ 1-го января 1886 года

торговля наша переведена изъ Теплыхъ рядовъ на Ильинку, д. Хлудова (въ бывш. помѣщеніе гг. бр. Третьяковыхъ и Коншина).

Съ 10-го сего января

ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНІЕ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ

иностранныхъ и русскихъ товаровъ: сукна, трико, драпа и проч. матерій.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. 480—5*-4

Остерегайтесь подделокъ.

Pastilles de

TAMAR INDIEN GRILLON

ПЛОДЪ СЛАБИТЕЛЬНЫЙ И ОСВѢЖАЮЩІЙ

противъ

ЗАПОРА

и сопровождающихъ ея ... [illegible]

Геморроя, желчи, отсутствія аппетита, дурного пищеваренія, и т. п.

Очень вкусенъ и не содержитъ въ себѣ никакого раздражающаго вещества. Употребляется, не мѣшая ни въ чемъ своимъ ежедневнымъ привычкамъ и занятіямъ.

Средство, необходимое и незамѣнимое для особъ подверженныхъ ... [illegible]

Въ продажѣ у всѣхъ москательщиковъ и аптекарей.

Paris, E. Grillon, 27, rue Rambuteau. 3191—13*—3

СТАРШИНЫ МОСКОВСКАГО ДВОРЯНСКАГО КЛУБА

покорнѣйше просятъ гг. дѣйствительныхъ членовъ пожаловать 15-го февраля, въ субботу, къ 9 часамъ вечера въ Очередное Общее Собраніе, предметами занятія котораго будутъ

I. Избраніе старшинъ на 1886 и 1887 годъ.
II. Разсмотрѣніе и утвержденіе отчета за 1884—85 клубный годъ.
III. Предложеніе Библіотечнаго Комитета объ измѣненіи правилъ для пользованія книгами.
IV. Текущія дѣла. 562-3*—1

Бывшихъ студентовъ Петербургскаго Университета, желающихъ участвовать ВЪ ТОВАРИЩЕСКОМЪ ОБѢДѢ 8-го ФЕВРАЛЯ, въ 5 час., въ Эрмитажѣ, просятъ записываться въ конторѣ ресторана до 7-го февраля. 479—2*—2

ОТЪ СОВѢТА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ОХОТЫ.

16-го февраля назначается стрѣльба на призы Общества по садочной птицѣ. Подписка (лично или письменно) принимается до 12-го февраля въ канцеляріи Общества, Москва, Молчановка, д. Бѣляевой и въ редакціи журнала *Природа и Охота*. Тамъ же можно получить свѣдѣнія о подробностяхъ и правилахъ стрѣльбы. При подписке вносится десять рублей. Публика на стрѣльбу не будетъ допускаться. 5283-2*-2

УРОКИ ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ ГЛУХОНѢМЫХЪ.

Рахмановскій переулокъ, близъ церкви Никиты мученика, домъ Шульцъ.

ГЛУХОНѢМЫЕ могутъ получать образованіе и научаются говорить на родномъ языкѣ по новѣйшему звуковому методу, употребляемому въ училищахъ глухонѣмыхъ за границею. 528—5*—1

ПАРОВОЙ МАСЛОБОЙНЫЙ ЗАВОДЪ

въ городѣ Мценскѣ, Орловской губ.,

БРАТЬЕВЪ А. и М. УЛАНОВЫХЪ,

УДОСТОЕНЪ

на Всемірной выставкѣ въ Антверпенѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

за выработку МАСЛА и ЖМЫХА.

Господъ иногороднихъ покупателей имѣю [illegible] увѣдомить, что въ складѣ въ Москвѣ, имѣется лучшаго качества масло: льняное, conопляное, подсолнечное и рапсовое; олеы: льняной и конопляный, а также [illegible] имѣется на складѣ въ Москвѣ и Мценскѣ жмыхъ всѣхъ сортовъ. Съ требованіями просимъ обращаться: въ Москву, въ контору бр. А. и М. Улановыхъ, на Большой Ордынкѣ, въ собственномъ домѣ. 475—2*—2

ДВОРЯНСКІЙ КЛУБЪ.

ВЪ СРЕДУ, 5-го ФЕВРАЛЯ,

СЕМЕЙНЫЙ МУЗЫКАЛЬНО-ТАНЦОВАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Начало въ 9 час. 544-1*-1

Новая книга: „Очеркъ исторіи греческой философіи", Целлера, пер. съ нѣм., подъ редакціей М. Карпинскаго. Ц. 2 р. Въ книжн. маг. „Новаго Времени" и Глазунова, СПБ. 5292—1*—1

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ КНИГА

L. Landau: „Блуждающая печень и отвислый животъ у женщинъ".

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. А. Муратова. **Цѣна 80 коп.**

Можно получать въ книжномъ магазинѣ **САЛАЕВА, книжномъ магазинѣ и библіотекѣ, бывш. ЛЕБЕДЕВОЙ,** Малая Дмитровка, д. Хотинской, и др. книжн. магазинахъ. 383—3*—1

Въ книжныхъ магазинахъ А. Ланга, въ Москвѣ, и К. Риккера, въ Петербургѣ, продается книга „ОПЕРАТИВНАЯ ГИНЕКОЛОГІЯ". Отд. I. Привать-доцента **А. Н. Соловьева.** Ц. 1 руб. 50 коп. Въ количествѣ не менѣе 25 экземпляровъ книгу можно получать и у автора. Армянскій переулокъ, домъ Торопова, кв. № 20. 357—3*—1

ДОМЪ о 10 квартирахъ, доходный, близъ Сухаревскаго рынка, продается съ доходомъ 13,200 руб. 3-я Мѣщанская улица, домъ Смирнова, близъ части. 416—6*—2

ВРАЧЪ КАЗИМИРОВЪ

принимаетъ больныхъ ежедневно. У Срѣтенскихъ воротъ, д. Дѣдова. 555—15*—1

ЗУБЫ

вставляетъ зубной врачъ Императорскихъ театровъ А. Вейнтраубе, уголъ Газетнаго и Петровки, д. Хомякова. 124—30*—24

ЗУБЫ

вставляетъ и лѣчитъ женщина—зубной врачъ Е. И. Айзенштадтъ. Мясницкая, гостинница „Миръ". 312—6*—6

И. Г. КАРЛСОНЪ, садовое заведеніе въ Воронежѣ, высылаетъ желающимъ за семикопѣечную марку слѣдующія изданія:

1) Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ сѣменамъ, георгинамъ и садовымъ инструментамъ.

2) Иллюстрированный каталогъ тепличнымъ, оранжерейнымъ и комнатнымъ растеніямъ и голландскимъ цвѣточнымъ луковицамъ.

3) Полный, очень подробный и обстоятельный, прейсъ-курантъ фруктовымъ, декоративнымъ деревьямъ и кустарникамъ съ приложеніемъ листа политипажей плодовъ и деревьевъ. 522—1*—1

Елисавета Ивановна Цвѣткова съ прискорбіемъ извѣщаетъ о смерти супруга ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника **МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА ЦВѢТКОВА,** послѣдовавшей 3-го февраля. Отпѣваніе имѣетъ быть 6-го февраля въ церкви Благовѣщенія, что на Тверской, погребеніе въ Донскомъ монастырѣ. 554—2*—1

ИМПЕРАТОРСКОЕ

Русское Техническое Общество.

московское отдѣленіе.

Въ пятницу, 7-го февраля 1886 г., въ $7\frac{1}{2}$ час. вечера, имѣетъ быть ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ гг. членовъ въ помѣщеніи Отдѣленія (Честные пруды, Архангельскій пер., д. Фрадриха).

ПРЕДМЕТЫ ЗАНЯТІЙ:

1. Сообщеніе **А. И. Воронова** (главнаго инженера-механика завода Импер. Тех. Уч.). „Сравнительныя наблюденія при переходѣ отъ древеснаго топлива къ минеральному для паровыхъ машинъ И. Т. У. въ числов. отнош."
2. Сообщеніе **С. С. Неандерскаго.** „Объ изобрѣтенной имъ пальцевой лампѣ" (съ демонстраціей лампы).
3) Выборъ товарища предсѣдателя Московскаго отдѣленія.
4) Выборъ новыхъ членовъ Отдѣленія.
5) Текущія дѣла. 5303—1*—1

Въ четвергъ, 6-го февраля,

ВЪ МАЛОЙ ЗАЛѢ

РОССІЙСКАГО БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ

имѣетъ быть

КОНЦЕРТЪ С. П. КАППЕЛЛИ,

профессора пѣнія и бывшаго придворнаго баритона императора Максимиліана, съ участіемъ учениковъ.

Начало въ $8\frac{1}{2}$ час. вечера.

Билеты, кресла по 5 р., стулья по 3 и 2 р., ненумерованные стулья по 1 р., можно получать въ музыкальномъ магазинѣ Гутхейль, на Кузнецкомъ мосту, д. Юнкера, а вечеромъ—при входѣ въ залу. 5305—1*—1

ВРАЧЕБНЫЕ ПРІЕМЫ

ЖЕНЩИНЪ и ДѢТЕЙ

женщины-врача **Е. П. ВЕНІАМИНОВОЙ:** женщинъ отъ 10 до 1 час. и дѣтей отъ 1 до 3 час. ежедневно.

По каждой спеціальности принимаетъ женщина-врачъ. Оспопрививаніе. Плата за совѣтъ 50 коп.

Тверская, близъ Газетнаго пер., д. Матейсена, рядомъ съ Ново-Тверской аптекой **Г. Жерлицкаго, бывш. Ленца.** 364-18*-6

АКУШЕРКА

М. И. ДОМБРОВСКАЯ

предлагаетъ дамамъ, нуждающимся въ ея помощи, отдѣльныя комнаты и тщательный уходъ. Пріемъ ежедневно отъ 9 до 12 часовъ. Срѣтенка, Даевъ переулокъ, домъ Морозова. 461—4*—2

Москва, 5 февраля.

Лондонскій погромъ продолжаетъ служить предметомъ обсужденія англійской прессы. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе участіе въ лондонскихъ безпорядкахъ соціалъ-демократической партіи. Одинъ изъ ея вождей, Бернсъ, держалъ красное знамя и открыто призывалъ толпу къ грабежу. Также дѣйствовалъ и Гайндманъ, который стоитъ во главѣ лондонскихъ соціалистовъ. Надо замѣтить, что послѣдніе составляютъ лишь небольшую часть лондонскаго рабочаго населенія. Ихъ слабость рельефно обнаружилась на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ, когда ихъ кандидаты собрали едва нѣсколько тысячъ голосовъ, между тѣмъ какъ кандидаты консервативной партіи получили около 180 тысячъ голосовъ, а кандидаты либеральной—около 160 тысячъ. Кромѣ того, самая избирательная агитація велась соціалистами отчасти на деньги, которыя подъ рукою давали консерваторы, видѣвшіе въ соціалистическихъ кандидатурахъ удобное средство отвлечь хотя часть рабочихъ отъ подачи голоса за либеральныхъ кандидатовъ.

Заслуживаетъ вниманія также поведеніе рабочихъ во время лондонскихъ безпорядковъ. Неоднократно рабочіе дѣлали попытки помѣшать разгромамъ. Эти попытки не имѣли успѣха, но несомнѣнно, что громадная часть лондонскаго рабочаго населенія глубоко возмущена безобразными сценами, которыя происходили въ Лондонѣ въ понедѣльникъ на прошлой недѣлѣ. На-дняхъ происходило въ Лондонѣ собраніе рабочаго союза, и на этомъ собраніи единогласно принята резолюція, выражающая негодованіе по поводу лондонскихъ безпорядковъ и поведенія Гайндмана и Бернса. Лондонскій погромъ былъ дѣломъ толпы, состоявшей изъ всякаго уличнаго сброда. Полиція была застигнута въ расплохъ, чѣмъ и можно объяснить такой опытъ, что погромъ продолжался нѣсколько часовъ. Понятны поэтому общія жалобы на полицію. На ея нераспорядительность жалуются всѣ газеты, и въ Лондонѣ уже происходило нѣсколько митинговъ, на которыхъ бездѣятельность полиціи во время погрома подвергалась самымъ жестокимъ порицаніямъ. Между прочимъ сторонники лондонской муниципальной реформы воспользовались послѣдними безпорядками, чтобы указать на настоятельную необходимость скорѣйшаго осуществленія этой реформы, безъ которой немыслимо радикальное преобразованіе лондонской полиціи.

Надо [illegible] справедливость англійскимъ [illegible] отнеслись къ лондонскимъ безпорядкамъ. Но, [illegible] но трезво. Правда, Times главнымъ образомъ настаивала на необходимости немедленнаго ареста Гайндмана и Бернса, а *Standard* говоритъ, что слѣдуетъ принять мѣры вообще противъ произнесенія рѣчей въ большихъ собраніяхъ, въ томъ случаѣ, если эти рѣчи способны вызвать безпорядки. Но отъ консервативнаго *Standard* и отъ главнаго органа лондонской буржуазіи можно было ожидать гораздо большаго раздраженія и тревоги. Главный же органъ либераловъ *Daily News* напоминаетъ, что до отмѣны хлѣбныхъ законовъ, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ 1846 году, подобнаго рода безпорядки бывали чуть не каждую зиму. Далѣе, газета указываетъ на особый характеръ послѣднихъ лондонскихъ безпорядковъ, а именно,—что толпа грабила не булочныя и съѣстныя лавки, а разбивала окна въ клубахъ и отеляхъ, нападала на магазины ювелировъ, а также на частные дома и экипажи. По мнѣнію *Daily News*, разбивавшіе окна имѣли цѣлью вызвать панику и внушить повсюду предположеніе, что наступаетъ соціальная революція. Затѣмъ газета указываетъ, что кромѣ соціалистовъ народнымъ броженіемъ хотѣли также воспользоваться для своихъ цѣлей противники свободной торговли. Въ заключеніе главный органъ либеральной партіи предостерегаетъ противъ паники и взаимнаго озлобленія.

Рѣзкій контрастъ съ отношеніемъ къ лондонскимъ безпорядкамъ англійскихъ газетъ представляютъ разсужденія объ этихъ же безпорядкахъ въ нѣмецкой печати. Раздраженіе, которое господствуетъ въ нѣмецкой прессѣ противъ гладстоновскаго министерства, сразу же сказалось и въ статьяхъ берлинскихъ газетъ о лондонскомъ погромѣ. Такъ, *National Zeitung* дѣлаетъ отвѣтственнымъ за этотъ погромъ Гладстона. По мнѣнію органа національныхъ либераловъ, Гладстонъ, потакая ирландскимъ безпорядкамъ, возбудилъ и въ бѣдныхъ классахъ Англіи надежду добиться улучшенія своего положенія такими шумными демонстраціями, какія происходили въ Лондонѣ на прошлой недѣлѣ. Главный органъ кн. Бисмарка, *Norddeutsche Zeitung*, приходитъ къ неожиданному выводу, что и свободная Англія желаетъ установленія такой же военной и политической организаціи, какая существуетъ въ континентальныхъ государствахъ Европы, а консервативныя берлинскія газеты уже предсказываютъ Англіи неизбѣжную соціальную революцію, если правительство не приметъ немедленно энергическихъ мѣръ къ подавленію соціализма. Для кн. Бисмарка лондонскіе безпорядки конечно послужатъ удобнымъ аргументомъ при обсужденіи законопроекта о продленіи на пять лѣтъ исключительныхъ мѣръ противъ соціалъ-демократовъ. Законопроектъ на-дняхъ поступитъ на обсужденіе рейхстага, и лондонскій погромъ несомнѣнно увеличилъ шансы на принятіе этого законопроекта рейхстагомъ.

Въ одной изъ предъидущихъ статей мы указывали, какія затрудненія вызываются вынѣшнею системою постановки многочисленныхъ и многосложныхъ вопросовъ на обсужденіе присяжныхъ. Мы высказали притомъ, что главная причина, обусловливающая это явленіе, заключается въ неудачныхъ постановленіяхъ нашего устарѣвшаго Уложенія, крайне стѣсняющаго коронный судъ при примѣненіи наказанія. Но помимо этой главной причины есть второстепенныя, на которыя, кажется, уже обратило вниманіе министерство юстиціи. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ указать на время постановки вопросовъ.

У насъ, какъ извѣстно, вопросы ставятся послѣ заключенія преній и до произнесенія предсѣдательскаго резюме. Этотъ порядокъ представляетъ значительныя неудобства сравнительно съ тѣмъ, при которомъ вопросы ставятся по окончаніи судебнаго слѣдствія и до начала судебныхъ преній. Чрезъ это достигается два важныхъ результата: во-1-хъ, пренія получаютъ большую опредѣленность и точность, имѣя впереди уже поставленные присяжнымъ вопросы, а во-2-хъ, и самое содержаніе вопросовъ разъясняется присяжнымъ не только предсѣдательскимъ резюме, но и доводами сторонъ. Кто знаетъ, если бы стороны своевременно разъяснили составъ преступленія по дѣлу Мироновича, быть можетъ, не послѣдовало бы прискорбнаго недоразумѣнія между судомъ и присяжными въ этомъ злосчастномъ дѣлѣ.

Благо уже поднятъ вопросъ объ улучшеніи системы постановки вопросовъ присяжнымъ, было бы весьма желательно и своевременно ввести въ это дѣло еще одно улучшеніе. По сложнымъ дѣламъ ставится масса вопросовъ, считаемыхъ сотнями, чуть не тысячами (въ Таганрогскомъ дѣлѣ было болѣе 1,300 вопросовъ). Правильное и точное редактированіе вопросовъ—дѣло далеко не легкое даже для опытныхъ юристовъ. Ознакомиться поближе съ редакціею вопросовъ крайне важно для обвинителя и защитника. А между тѣмъ нашъ процессъ не даетъ для этого достаточно средствъ. Вопросы прочитываются разъ вслухъ и тѣмъ все ограничивается. Въ видѣ чрезвычайной любезности предсѣдательствующій быть можетъ согласится еще разъ прочесть тотъ или другой вопросъ, но чтобы стороны могли ознакомиться ближе съ содержаніемъ вопросовъ, имѣя предъ глазами самый текстъ ихъ, этого судъ не допуститъ. По извѣстному дѣлу Ссуднаго банка защита напрасно просила дать ей на нѣсколько времени для ознакомленія листъ вопросовъ. Просьба не была уважена, а между тѣмъ едва ли можно сомнѣваться въ ея основательности, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые хотятъ видѣть въ защитѣ не пустую формальность или красивую декорацію, а существенный факторъ уголовнаго правосудія. [illegible] другое мы видимъ въ новомъ германскомъ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства. По ст. 290 этого Устава предсѣдательствующій обязанъ, въ случаѣ требованія сторонъ или присяжныхъ, сообщить имъ копію съ вопросовъ и сдѣлать перерывъ для предоставленія имъ возможности ближе ознакомиться съ вопросами. Весьма бы желательно заимствовать это постановленіе германскаго законодательства.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, предположено предоставить по примѣру того же Германскаго Уст. Угол. Суд. присяжнымъ дѣлать замѣчанія на вопросы. Отъ такого нововведенія можетъ только выиграть дѣло, если только присяжные будутъ въ силахъ активно пользоваться этимъ правомъ. Мы рѣшаемся сдѣлать это замѣчаніе въ виду того, что наши присяжные весьма рѣдко пользуются другимъ не менѣе важнымъ, и притомъ легче осуществимымъ правомъ,—правомъ предлагать свидѣтелямъ вопросы во время судебнаго слѣдствія.

— Изъ Вѣны телеграфируютъ отъ 31-го января въ *Times*: „Утверждаютъ, что русское правительство требуетъ двухъ измѣненій въ турецко-болгарской конвенціи. Оно отвергаетъ постановленіе касательно обязательства Болгаріи предоставлять свои войска въ распоряженіе Турціи въ случаѣ войны, и постановленіе, предоставляющее султану право возобновлять, по протеченіи пяти лѣтъ, генералъ-губернаторскія полномочія князя Александра, помимо великихъ державъ".

— Изъ Петербурга телеграфируютъ отъ 31-го января въ *Politische Correspondenz*: „Извѣстіе, будто русскія военныя суда, стоящія въ Смирнѣ, получили контръ-приказъ относительно ихъ участія въ морской демонстраціи въ греческихъ водахъ, лишено основанія. Эти русскія суда съ самаго начала были назначены для крейсированія въ смирнскихъ водахъ".

— Изъ Бѣлграда сообщаютъ отъ 31-го января, что тамъ офиціально опровергаютъ разнесенный телеграфомъ слухъ, будто скоро появится королевскій указъ о демобилизаціи арміи и о созывѣ скупщины.

— По словамъ *Моск. Вѣд.*, въ министерствѣ юстиціи уже составленъ проектъ положенія о наймѣ рабочихъ; въ него, между прочимъ, включенъ особый параграфъ, по силѣ коего иски о нарушеніи договора о личномъ наймѣ предоставляется предъявлять суду, въ участкѣ или вѣдомствѣ котораго договоръ подлежитъ исполненію.

— Проскользнувшее въ газетахъ извѣстіе о трагико-комической кончинѣ Сестрорѣцкой желѣзной дороги напомнило намъ о важной цѣли, съ которою, въ свое время, было связано сооруженіе покойной дороги. Тогда предполагалось, что Сестрорѣцкая вѣтвь послужитъ подъѣзднымъ путемъ къ Петровскому порту, проектированному на сѣверномъ берегу Финскаго залива. Проектъ не могъ быть реализованъ между прочимъ потому, что одновременно съ его возникновеніемъ правительство рѣшило строить, на средства государственнаго казначейства, морской каналъ изъ Пе-

тербурга къ Кронштадту и Путиловскій портъ. На эти сооруженія издержано болѣе 15 милліон. руб., но морскія суда не пользуются морскимъ каналомъ, а портъ существуетъ только номинально, и торговля попрежнему терпитъ отъ дорогихъ фрахтовъ, перегрузокъ, обмелей при устьяхъ Невы, остановокъ при проходѣ 4-хъ мостовъ на рѣкѣ и проч. А фрахты между Кронштадтомъ и Петербургомъ иногда доходятъ до такой высоты, что равняются фрахтамъ отъ Кронштадта до Гулля.

Проектъ Петровскаго порта возникалъ въ то время, когда правительство рѣшительно отказало въ разрѣшеніи на сооруженіе желѣзной дороги отъ Калашниковой пристани, въ Петербургѣ, до Кронштадта, по сѣверному берегу Финскаго залива, мимо Сестрорѣцка, на Лисій Носъ и оттуда, по отмелямъ, прямо въ кронштадтскія гавани. Отказъ былъ мотивированъ тѣмъ, что Кронштадтъ долженъ быть исключительно военнымъ портомъ. Желѣзная дорога, вслѣдствіе огромнаго грузоваго движенія, не требовала никакихъ субсидій и гарантій; ни по проекту устава, ни по условіямъ конкурренціи съ водными путями она не могла держать высокихъ тарифовъ и была бы вполнѣ цѣлесообразна въ стратегическомъ смыслѣ, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ представляла огромныя выгоды для страны, но, къ сожалѣнію, была отвергнута. Какъ только это случилось, явились проекты Ораніенбаумскаго порта на южномъ и Петровскаго—на сѣверномъ берегу залива; проекты эти такъ и остались достояніемъ прошлаго, а Петербургъ,—этотъ важнѣйшій пока русскій портъ (ибо покуда вывозъ далеко оставляетъ за собою всѣ прочіе наши порты),—остался безъ порта. Кронштадтъ же, по силѣ вещей, до сихъ поръ сохраняетъ смѣшанный характеръ военно-коммерческаго пункта. Потери торговли за 15 лѣтъ, протекшихъ со времени отклоненія проекта Кронштадтской желѣзной дороги, несомнѣнно составляютъ не менѣе того, что истрачено на морской каналъ, который досѣлѣ почти безполезенъ для торговли Петербургскаго порта и не видно, когда можетъ занять другое, цѣлесообразное положеніе.

— Послѣ совѣщаній, происходившихъ въ различныхъ коммиссіяхъ по вопросу о мѣрахъ къ заселенію нашихъ сѣверныхъ окраинъ и къ развитію тамъ земледѣлія и сельской промышленности, министерство государственныхъ имуществъ, какъ передаютъ *Бирж. Вѣд.*, выработало проектъ мѣръ къ разрѣшенію этого давно назрѣвшаго вопроса. На разсмотрѣніе государственнаго совѣта внесенъ уже проектъ о дозволеніи лицамъ всѣхъ сословій переселяться въ нѣкоторые уѣзды Архангельской и Вологодской губерній и о разрѣшеніи этимъ переселенцамъ производить расчистки лѣсныхъ участковъ. Статсъ-секретарь Островскій въ своемъ проектѣ указываетъ, что хотя климатъ въ названныхъ губерніяхъ суровъ, но тѣмъ не менѣе хлѣбопашество и сельское хозяйство могутъ тамъ развиться въ значительной степени, и лучшимъ средствомъ къ этому министръ считаетъ привлеченіе въ эти окраины переселенцевъ, съ предоставленіемъ имъ на первыхъ порахъ значительныхъ льготъ и облегченій. Исходя изъ этой точки зрѣнія, министръ государственныхъ имуществъ предлагаетъ нижеслѣдующее: 1) Во всѣхъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ предоставить всѣмъ [illegible] безъ различія сословій [illegible] неудобныя лѣсныя [illegible] брать удобныя [illegible] хозяйствен[illegible] строенія съ [illegible] нихъ водворенія и для обращенія ихъ въ полевыя угодья. 2) Для разработки въ угодья имѣютъ быть предоставлены переселенцамъ земли изъ удобныхъ и неудобныхъ лѣсныхъ пространствъ по ихъ выбору, за исключеніемъ оброчныхъ статей, рудничныхъ площадей, рѣчныхъ пристаней и вообще мѣстъ, получившихъ уже какое-либо опредѣленное назначеніе. 3) Количество земли, отводимое переселенцамъ, опредѣляется сообразно числу душъ въ каждомъ семействѣ, причемъ [illegible] на семью полагается въ 200 десятинъ. 4) Въ предоставленныхъ переселенцамъ земляхъ возведеніе хозяйственныхъ построекъ и обращеніе въ угодья обусловлено извѣстнымъ срокомъ, а именно, въ теченіе первыхъ со дня заключенія контракта 10 л. одна четвертая часть земель должна быть обращена въ угодья. 5) Въ теченіе сорока лѣтъ переселенцы будутъ пользоваться безплатно своими участками, но тѣ изъ нихъ, на которыхъ по истеченіи первыхъ 10 лѣтъ, одна четвертая часть не обращена въ угодья, поступятъ въ полномъ составѣ обратно въ казну, если задержка не произошла отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. 6) Послѣ сорокалѣтняго безплатнаго пользованія участками, переселенцамъ предоставляется право пріобрѣсть эти участки въ полную собственность посредствомъ выкупа. Выкупная стоимость въ такомъ случаѣ будетъ опредѣляться среднею по губерніи арендною платою за казенныя оброчныя статьи.

— *С.-Петербургскія Вѣдомости* передаютъ, что министръ путей сообщенія внесъ на разсмотрѣніе комитета министровъ проектъ пріобрѣтенія въ казну Тамбово-Козловской ж. д., съ уплатою за каждую непогашенную акцію не свыше 98% кредитныхъ руб. Обмѣнъ акцій на облигаціи долженъ быть произведенъ по опредѣленіи общей суммы долговъ Общества Тамбово-Козловской ж. д. Долги Общества всѣмъ правительственнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ будутъ удовлетворены казною.

— Ходатайство нѣкоторыхъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ объ освобожденіи ихъ отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ и отъ употребленія гербовой бумаги при выдачѣ на нихъ залоговъ, подобно тому, какъ это существуетъ въ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, по словамъ *Спб. Вѣд.*, отклонено, такъ какъ управляющимъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ, Е. Э. Картавцовымъ, было высказано мнѣніе, что подобная мѣра не принесетъ банкамъ существенной пользы.

Телеграфическія извѣстія.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ПЕТЕРБУРГЪ, 4-го февраля. Товарищъ предсѣдателя курскаго окружнаго суда Евреиновъ назначенъ калишскимъ вице-губернаторомъ.

На-днихъ состоится въ Петербургѣ съѣздъ представителей городскихъ взаимнаго отъ огня страхованія Обществъ, который пересмотритъ правила о перестрахованіи однимъ Обществомъ у другаго и установитъ однообразную норму страхованія.

(Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства).

ПЕТЕРБУРГЪ, 4-го февраля. Совѣтникъ посольства въ Римѣ Шевичъ назначенъ посланникомъ въ Японіи. Харьковскій губернаторъ Нескуль фонъ-Гильденбандтъ назначенъ псковскимъ губернаторомъ. Минскій губернаторъ Петровъ назначенъ харьковскимъ губернаторомъ.

По поводу послѣдняго циркуляра Порты о турецко-болгарскомъ соглашеніи *Journal de St.-Pétersbourg* говоритъ, что по двумъ его пунктамъ еще возможно соглашеніе, такъ какъ Порта считаетъ возобновленіе полномочій восточно-румелійскаго генералъ-губернатора только формальностью, а измѣненія въ органическомъ уставѣ Румеліи должны состояться на основаніи соглашенія между державами. За то пунктъ, касающійся подчиненія болгарской [illegible], на 1[illegible] утверждаетъ [illegible] Порта [illegible] Москву, при [illegible] правъ султана; оно, напротивъ, противно международному праву. На востокѣ подвассальныя Турціи христіанскія государства никогда не предоставляли своихъ войскъ въ ея распоряженіе. Этотъ пунктъ соглашенія противенъ тоже Берлинскому трактату, и князь Александръ не имѣлъ права заключать подобной сдѣлки помимо принципіальной стороны. Подчиненіе болгарскихъ войскъ Турціи можетъ имѣть важныя послѣдствія: нарушить миръ на Востокѣ и привести къ братоубійственнымъ войнамъ. Ни въ какомъ случаѣ Россія не допуститъ, чтобы освобожденная ею Болгарія играла такую роль. Если это могли забыть въ Софіи, то это помнятъ въ другихъ мѣстахъ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ, 4-го февраля. Сюда прибылъ высокопреосвященный Михаилъ, митрополитъ сербскій, и сегодня совершилъ заупокойную литургію и панихиду по Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ, а потомъ литію на его могилѣ.

ОДЕССА, 4-го февраля. Собрана по подпискѣ значительная сумма на отправку къ г. Пастеру семейства колоніи Рорбахъ, искусаннаго бѣшеными собаками. Г. Пастеръ согласился содержать больныхъ въ Парижѣ на свой счетъ. Одесское общество врачей отправляетъ къ Пастеру, для изученія его методы, доктора Гамалея, назначаемаго директоромъ устраиваемой здѣсь бактеріологической станціи.

МИТАВА, 4-го февраля. Сегодня, въ девятый день кончины Аксакова, въ митавской православной церкви, въ присутствіи начальника губерніи, вице-губернатора и другихъ властей, отслужена панихида. По окончаніи панихиды была отправлена вдовѣ покойнаго телеграмма за подписью губернатора и другихъ лицъ.

КЯХТА, 4-го февраля. Рынокъ безъ движенія; китайцы держатся. Надѣясь на установленіе цѣнъ, несоотвѣтствующихъ обстоятельствамъ, русскіе держатся своихъ цѣнъ. Въ Калганѣ мануфактура въ цѣнѣ падаетъ; на пушнинѣ берутъ небольшую пользу, частью продаютъ въ убытокъ. Отправки вялые.

ВѢНА, 4-го февраля. По словамъ аѳинской депеши въ *Neue Freie Presse*, султанъ ничего и слышать не хочетъ о требованіяхъ Греціи и скорѣе готовъ вести войну, нежели дѣлать территоріальныя уступки. Революціонная прокламація не произвела на населеніе никакого впечатлѣнія.

БѢЛГРАДЪ, 4-го февраля. Германія, Австрія и Англія дѣлали Сербіи новыя представленія въ видахъ ускоренія мирныхъ переговоровъ.

СОФІЯ, 4-го февраля. Князь выѣхалъ сегодня утромъ въ Филиппополь, въ сопровожденіи президента совѣта, и вскорѣ возвратится въ Софію.

ЛОНДОНЪ, 4-го февраля. Мусурусъ-паша выѣхалъ утромъ въ Константинополь.

ПАРИЖЪ, 4-го февраля. Апперъ получилъ большой крестъ Почетнаго Легіона. Говорятъ, что Блако замѣнитъ Аппера въ Петербургѣ.

ВАШИНГТОНЪ, 4-го февраля. Сельскохозяйственный департаментъ опредѣляетъ урожай хлопка въ 6½ милліоновъ кипъ.

БѢЛГРАДЪ, 4-го февраля. Германскій посланникъ, австрійскій и англійскій дѣлали новыя представленія въ видахъ ускоренія мирныхъ переговоровъ. Сербскій министръ отвѣчалъ, что Порта [illegible] проволочетъ, почему Сербія и отклоняетъ всякую отвѣтственность. Предложеніе Россіи исключить бреговацкій пограничный споръ изъ мирныхъ переговоровъ не получило согласія германскаго посланника, а также большинства прочихъ представителей великихъ державъ.

БУХАРЕСТЪ, 4-го февраля. Мирная конференція приняла [illegible] установленія [illegible].

БЕРЛИНЪ, 4-го февраля. Въ мотивахъ къ сегодняшнему церковному законопроекту поставлено на видъ, что уже два года какъ правительство намѣревалось пойти на встрѣчу желаніямъ католическихъ подданныхъ относительно образованія духовенства и юрисдикціи для оныхъ, но этому намѣренію мѣшало то обстоятельство, что открытіе парламента сопровождалось въ послѣдніе годы каждый разъ происшествіями, кои давали поводъ думать, будто нападеніями и угрозами можно побудить правительство къ такимъ мѣрамъ, которыхъ оно не приняло бы добровольно. Такъ какъ теперь нѣтъ повода къ такимъ опасеніямъ, то правительство и воспользовалось настоящею минутой для внесенія законопроекта.

ПАРИЖЪ, 4-го февраля. Муниципальный совѣтъ высказался за амнистію всѣмъ осужденнымъ за политическія преступленія. Избраніе бонапартиста Гавини на Корсикѣ должно считаться окончательнымъ.

ЛОНДОНЪ, 4-го февраля. Въ Бирмингамѣ произведены сегодня [illegible] рабочими безпорядки, которые однако были вскорѣ подавлены полиціей. [illegible] держали наготовѣ, на случай надобности, кавалерійскіе отряды. Въ Гретъ-Ярмутѣ рабочіе также пытались устроить шумныя демонстраціи, но были разсѣяны.

ВѢНА, 4-го февраля. Извѣстіе о признаніи [illegible] императоромъ не подтверждается. *Wiener Allg. Zeitung* сообщаетъ, что княжескій указъ распускаетъ бывшую восточно-румелійскую жандармерію, вводитъ полицейскую стражу, какая существуетъ и въ Болгаріи. Должности совѣтниковъ префектуръ упраздняются, ибо таковыхъ нѣтъ и въ Болгаріи.

Оффиціальный отдѣлъ.

— Въ № 9-мъ *Собранія узаконеній и распоряженій правительства*, отъ 31-го января сего года, напечатаны:

Высочайше утвержденныя мнѣнія о [illegible] государственныхъ учрежденій.

Высочайше утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта:

93. О новомъ штатѣ канцеляріи [illegible].
94. Объ увеличеніи кредита на содержаніе [illegible] палаты.
95. Объ установленіи сбора съ лошадей и экипажей въ гор. Тулѣ.

Высочайше утвержденныя полож. комитета министровъ:

96. О продленіи срока для оплаты [illegible] товарищества стеклянной фабрики Н. С. Петровскаго.
97. Объ увеличеніи основнаго капитала товарищества Тентелевскаго химическаго завода.

Высочайше утвержденныя положенія военнаго совѣта:

98. Объ учрежденіи причта при храмѣ св. Николая на Братскомъ кладбищѣ въ гор. Севастополѣ.
99. О сформированіи на Кавказѣ 2-го [illegible] военно-телеграфнаго парка.
100. Объ увеличеніи числа [illegible].
101. Объ увеличеніи состава офицеровъ въ [illegible] резервныхъ пѣхотныхъ (кадровыхъ) батальонахъ.

Высочайшія повелѣнія, предложенныя правительствующему сенату управляющимъ министерствомъ юстиціи:

102. О присвоеніи устраиваемымъ близь станціи Любань, Николаевской желѣзной дороги, богадѣльнѣ и [illegible] наименованія: „Петропавловскія богоугодныя заведенія инженеръ-генерала Мельникова", и о присвоеніи должностнымъ лицамъ [illegible] государственной службы.
103. О штатѣ полиціи и пожарной команды гор. Царскаго Села.

Объявленныя Высочайшія повелѣнія

Министромъ народнаго просвѣщенія:

104. О принятіи капитала, [illegible].
105. О принятіи капитала, пожертвованнаго [illegible] коммерціи совѣтника Н. А. Бѣляева.
106. О присвоеніи [illegible] реальному училищу наименованія „[illegible]".

Военнымъ министромъ:

107. Объ окладѣ жалованья унтеръ-офицерамъ дополнительнаго штата губернскихъ жандармскихъ управленій.
108. [illegible] коммерціи совѣтника Н. А. Бѣляева.
109. Объ установленіи формы обмундированія [illegible] ротахъ и командахъ.
110. Объ измѣненіи [illegible].
111. О маневренныхъ значкахъ для 5-ти батальонныхъ пѣхотныхъ полковъ, формируемыхъ при мобилизаціи.

Внутреннія извѣстія.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ОДЕССА. 10-го февраля откроется здѣсь областной съѣздъ представителей земствъ шести губерній Южной Россіи. Предполагалось, что этотъ съѣздъ займется разработкой вопросовъ о вредныхъ насѣкомыхъ и о мѣрахъ противъ эпизоотій. По крайней мѣрѣ, послѣдній областной съѣздъ, собиравшійся въ Харьковѣ, въ 1885 году, большую часть своихъ работъ посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о чумѣ рогатаго скота. Но теперь рамка занятій съѣзда значительно съужена, такъ какъ г. одесскій градоначальникъ, который будетъ предсѣдательствовать на съѣздѣ, уведомилъ, что, согласно полученному отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшенію, обсужденію съѣзда подлежатъ вопросы „о насѣкомыхъ на растеніяхъ". Такимъ образомъ всѣ вопросы о мѣрахъ борьбы съ чумою, съ сапомъ, съ сибирскою язвою—исключены изъ программы съѣзда. Между тѣмъ еще при одесской энтомологической коммиссіи были организованы проф. Мечниковымъ бактеріологическія изслѣдованія контагія чумы, давшія интересные результаты. Кромѣ того на съѣздъ прибудетъ проф. Ценковскій, который намѣревался сообщить о результатахъ многочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ имъ надъ прививкою сибирской язвы. Было бы конечно въ высшей степени желательно, чтобы добытыя этими научными работами данныя были разсмотрѣны тѣми спеціалистами, которые примутъ участіе въ съѣздѣ. Бактеріологическое изслѣдованіе сибирки зачумленныхъ животныхъ, производимое подъ руководствомъ И. И. Мечникова, подало мысль къ организаціи въ Одессѣ бактеріологической станціи. Къ тому же въ одной изъ мѣстныхъ газетъ былъ поднятъ вопросъ объ отправкѣ къ Пастеру врача для изученія его метода лѣченія водобоязни. Поводомъ послужила ужасная катастрофа, приключившаяся недавно неподалеку отъ Одессы, въ Рорбахѣ. Бѣшеная собака искусала трехъ мальчиковъ. Несчастнымъ грозитъ страшная, мучительная смерть. Нашелся добрый человѣкъ, обратившій вниманіе общества на положеніе этихъ дѣтей, призывавшій жертвователей собрать необходимую сумму для отправки пострадавшихъ въ Парижъ, къ Пастеру. Но до сихъ поръ собрано, къ сожалѣнію, всего-на-всего 70 руб., а на эту сумму далеко не уѣдешь. Въ послѣднемъ засѣданіи Думы гл. д-ръ Моровскій внесъ предложеніе о томъ, чтобы, въ видахъ частаго заболѣванія водобоязнью лицъ, укушенныхъ бѣшеными собаками, была устроена въ Одессѣ бактеріологическая станція для постояннаго разведенія и храненія прививнаго вещества, а также для производства предохранительныхъ прививокъ собакамъ и другимъ животнымъ. Для ознакомленія со способомъ Пастера, предлагается командировать завѣдывающаго бактеріологическою станціей въ Парижъ. Эта же бактеріологическая станція могла бы приготовлять совершенно чистый детритъ, оспенную лимфу для нуждъ Одессы и сосѣднихъ губерній, затѣмъ предохранительную вакцину для огражденія скота отъ сибирской язвы, чумы, краснухи свиней, овечьей оспы, а также производить микологическія изслѣдованія воды, почвы; словомъ станція эта представляется полезною и съ экономической и съ санитарной стороны. Предложеніе г. Моровскаго встрѣчено сочувственно и въ Обществѣ и въ Думѣ. Какъ слышно, одно лицо изъявило уже готовность пожертвовать 1,000 руб. на поѣздку врача въ Парижъ. Расходъ по содержанію бактеріологической станціи не великъ: онъ исчисленъ въ 3,500 р., безъ жалованья завѣдывающему врачу. Если [illegible] это предложеніе будетъ принято Думой, то Одесса, устроивъ у себя бактеріологическую станцію, будетъ первымъ городомъ въ Россіи, откликнувшимся на призывъ науки.

ХЕРСОНЪ. Продовольственное положеніе населенія Херсонской губ. значительно ухудшилось въ послѣднее время. Небольшіе запасы зерна, а также сѣна и соломы истощились, такъ что крестьянамъ приходится обращаться за помощью къ земству. Нужда особенно сильна въ Одесскомъ и Тираспольскомъ уѣздахъ, гдѣ десятина озимаго хлѣба давала отъ 4 мѣръ до 2 четвертей, а яроваго—отъ 3 мѣръ до одной четверти. Всѣхъ ходатайствъ о выдачѣ ссудъ на обсѣмененіе либо на продовольствіе поступило отъ 120 волостей. Но необходимо замѣтить, что на населеніи Херсонской губ. и безъ того лежитъ огромный долгъ губернскому капиталу въ 150 т. р. и имперскому капиталу—203 т. р. Къ этому необходимо прибавить огромныя [illegible] сельскимъ продовольственнымъ [illegible], которые всюду разобраны и [illegible] долгу. Исключеніе составляетъ [illegible] Херсонскій уѣздъ, гдѣ всѣ продовольственные запасы обращены въ деньги, которыя составили [illegible] въ 400,000 р. Желая [illegible] пополнить сельскіе магазины, [illegible] у себя общественныя [illegible]. Опытъ начатъ съ наиболѣе [illegible] недоимщиковъ. Для тѣхъ [illegible] ществъ, которыя не имѣютъ [illegible] земли подъ эти запашки, [illegible] го зерна, предполагается арендовать у сосѣднихъ владѣльцевъ, для чего будутъ [illegible] даваться ссуды изъ продовольственнаго капитала.

САМАРА. Хлѣбная торговля [illegible] дается; въ субботу, 24 января, [illegible] было болѣе 2,000 возовъ. Цѣна [illegible] чемъ понизилась до 20 к. съ пуда. [illegible] жество оставшихся безъ заработка [illegible] чихъ бѣдствуютъ и просятъ [illegible]. Нищіе цѣлыми толпами, въ 20 и [illegible] ходятъ по городу. Городъ буквально [illegible] не профессіональными, а [illegible] чернорабочими и обнищавшими [illegible] Самарской губерніи.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ. Новый [illegible] нижегородцамъ новинку въ видѣ телефона. [illegible] какъ Нижній-Новгородъ [illegible] годовой абонементъ 200 р. для [illegible] и 150 для [illegible] до настоящаго [illegible] по Нижнему-Новгороду [illegible] болѣе 30—35 телефоновъ.

ПЕТЕРБУРГЪ. Въ воскресенье, 2-го февраля, состоялось обычное годовое собраніе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Присутствовало членовъ около 40. Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ, открывая засѣданіе, сказалъ нѣсколько прочувственныхъ словъ въ память И. С. Аксакова, котораго, между прочимъ, характеризовалъ какъ „человѣка, никогда не знавшаго сдѣлокъ съ совѣстью". Присутствовавшіе, по приглашенію предсѣдателя, почтили вставаніемъ память покойнаго. Затѣмъ слѣдовали — выборъ [illegible] выхъ членовъ Общества (5 человѣкъ) и выборъ 5-ти новыхъ членовъ комитета, на мѣсто выбывающихъ по очереди Ѳ. Ѳ. Воропонова, П. А. Гайдебурова, А. А. Краевскаго и М. И. Семевскаго и выбывшаго ранѣе, по собственному желанію, Ю. Э. Янсона. Выбраны: А. М. Скабичевскій, В. М. Гаршинъ, Е. И. Утинъ, О. Ѳ. Миллеръ и В. И. Сергѣевичъ. Отчеты секретаря и казначея, заключенія ревизіонной коммиссіи, прочитанныя Н. М. Ядринцевымъ, и отвѣтъ на нихъ комитета заняли остальное время. Отчетъ напоминалъ, между прочимъ, объ исключительно большихъ литературныхъ потеряхъ, понесенныхъ Обществомъ въ отчетномъ году: упомянуты были имена Костомарова, Кавелина, Карновича, [illegible], Пальма, Иванова и другихъ. Въ заключеніе предсѣдателемъ Общества вновь выбранъ [illegible], товарищемъ предсѣдателя А. Н. Пыпинъ, секретаремъ г. Кобеко и казначеемъ Е. И. Утинъ. (*Нов. В.*).

— 1-го февраля у графа Стенбокъ-Фермора состоялся блестящій балъ, съѣздъ на который начался въ исходѣ девятаго часа. Въ числѣ многочисленныхъ гостей, принадлежащихъ къ высшему петербургскому обществу, находились: министръ Императорскаго Двора съ супругою, [illegible]. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили удостоить балъ своимъ присутствіемъ. (*Н. Вр.*)

— Картинная галлерея Императорскаго Эрмитажа на этихъ днѣхъ обогатилась весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ: куплены для нея двѣ небольшія картины Луки Лейденскаго, изображающія мужчину и женщину, которые держатъ на [illegible] щиты съ гербами. Эти фигуры украшали [illegible]

Бѣлое покрывало.

Разсказъ маркизы Коломби.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

Въ первый разъ я увидѣлъ ее въ галлереѣ Субальпина, въ Туринѣ, у Баррати. Я зашелъ выпить содовой воды, для пищеваренія послѣ завтрака и для возбужденія аппетита предъ обѣдомъ... Вотъ ужъ до чего я дошелъ.

Она была съ другой синьорой. Чтобы не показаться нескромнымъ, я не смѣлъ смотрѣть на нее прямо. Я обратился къ зеркалу и глядѣлъ на ея профиль. Что за профиль, господа художники! Что за профиль! Во-вѣки вамъ не создать ничего подобнаго!

Высокая, тоненькая, стройная... въ Миланѣ, я сказалъ бы: какъ верхушка собора; но вы, можетъ быть, его не видали.— Сравнимъ: стройна какъ телеграфный столбъ,—прелестнѣе, граціознѣе, что добавите вы, моя читательница, тѣмъ сильнымъ воображеніемъ, которымъ вашъ злой духъ одарилъ васъ.

Я сказалъ „злой духъ", потому что для меня воображеніе было источникомъ злосчастія. Вотъ, подумайте.— Но не будемъ забѣгать впередъ.

Ея волосы были черны, какъ эти чернила, а лицо бѣло, какъ эта бумага; глаза живые, пронзительные, какъ блестящія острія, которыя я желалъ бы, если бы могъ, употребить мой разсказъ. А ротикъ...

Нѣтъ.—Здѣсь нужно остановиться. Ротикъ—поэма.

Читательница! вообразите, я увидѣлъ ее въ ту минуту, когда она открывала ротикъ и двумя пальчиками—двумя [illegible] розовыми лепесточками!—вкладывала туда *marron glacé*. Этотъ *marron glacé* былъ изъ крупныхъ, и, натурально, она раскрыла ротикъ широко, будто крича:

— Помогите!...

Если бы въ эту минуту могъ ее видѣть самъ Джіотто!...

Нѣтъ: клянусь на Библіи, на Коранѣ, на Ведахъ, на разсчетной книгѣ моего портнаго, не существовало во всей исторіи красоты человѣческой — ротика круглѣе ея ротика!

А зубочки! Что за свѣжесть! Сравнить бы ихъ съ рядами жемчуга, но риторика украла у меня этотъ образъ. Я долженъ удовольствоваться, уподобивъ эти красоты —миндальному желе съ миндалинами... Неизящно кондитерское сравненіе, но этотъ ротикъ не унизилъ бы трудовъ кондитера. О, незабвенный!

Marron glacé былъ поконченъ; розовые пальчики захватили пряникъ, потомъ пирожокъ, затѣмъ сахарный сухарикъ, и все это исчезло въ „малиновомъ желе".

Сладкій сухарикъ поразилъ меня послѣднимъ ударомъ. Леденецъ, которымъ было осыпано превосходное печенье, трещалъ на бѣлыхъ зубочкахъ... кракъ-кракъ-кракъ...

Ахъ, что за кракъ-кракъ... Содовая вода бросилась мнѣ въ голову, въ носъ, повернувшись въ горлѣ, — такъ сильно было мое потрясеніе. Я кашлялъ, кашлялъ такъ, что посинѣлъ. Конторщикъ сострадательно поколотилъ меня кулакомъ въ спину. Я разслышалъ, какъ синьора, бывшая съ нею, сказала:

— Пойдемте.—Пора обѣдать.

Сохрани ея красоту, святая Луція! „Обѣдать"! О, какое совершенство—дѣвушка, которая можетъ обѣдать послѣ закусокъ въ кондитерской съ аккомпанементомъ [illegible]!

Никогда, въ самыхъ смѣлыхъ мечтаніяхъ моего труднаго пищеваренія, не воображалась мнѣ женщина съ такимъ прекраснымъ желудкомъ, какъ эта красавица. Весь вечеръ, всю ночь я продумалъ о ней.

Мнѣ было тридцать девять лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Причетникъ моего прихода и сторожа при полиціи могутъ засвидѣтельствовать, что сорока мнѣ еще не было.

Я лишился родителей вскорѣ послѣ моего совершеннолѣтія и велъ нѣсколько веселую жизнь,—можетъ быть, слишкомъ веселую,—изъ которой вырвался, доведя отцовское наслѣдство до половины, а свои пищеварительныя способности до нуля. Конецъ круглымъ обѣдамъ, вечернимъ пирамъ, изящнымъ новобрачнымъ! Всякое изъ этихъ удовольствій начало стоить мнѣ нездоровья, и я кончилъ тѣмъ, что осудилъ себя на уединеніе, бифштексы и содовую воду.

Много разъ приходила мнѣ мысль жениться, чтобы имѣть кого-нибудь, кто бы заботился о болѣзняхъ моего желудка и присмотрѣлъ за бифштексами. Но мнѣ все встрѣчались синьорины, которыя ѣли мало и пили одну воду. Я трепеталъ при мысли встрѣтить, подобный моему, слабый желудокъ, проводить всѣ будущіе дни супружества въ обоюдныхъ соболѣзнованіяхъ и въ угощеніяхъ другъ друга лѣкарствами...

При видѣ этой дѣвушки, брачныя мечты мои пробудились. Вотъ идеалъ желудка, къ которому я стремлюсь! Пищеварительный аппаратъ страуса и прелесть молодой [illegible]!..

Я не зналъ, кто она. Одѣта, держится будто иностранка. Синьора, которая съ нею, маленькая, толстая, лицо красное, [illegible] бѣлокуро-рыжеватыхъ съ [illegible], короткое платье, [illegible] достѣ; длиннѣйшій голубой вуаль на умѣренной шляпкѣ... Хуже ничего нельзя: туристка.

Однако эта пушная бомба пробормотала по-итальянски:

— Пойдемте. Пора обѣдать.

Пробормотала... Точно ли акцентъ былъ иностранный? Не могу сказать навѣрное. Все мое вниманіе было обращено на дѣвушку, и мои догадки объ ихъ національности основывались на очень неопредѣленныхъ замѣчаніяхъ.

Вдругъ меня поразила мысль, потаенная, жестокая, будто судорога въ желудкѣ.

— Если онѣ иностранки, путешественницы, онѣ могутъ завтра уѣхать... могутъ сегодня вечеромъ уѣхать въ Лондонъ, въ Нью-Іоркъ, въ русскія степи, и я ихъ больше не увижу.

Я говорилъ во множественномъ числѣ, разумѣя, конечно, *ее* одну.

Была уже ночь, когда меня поразила эта ужасная мысль. Я провелъ тревожные часы и, едва настанетъ день, бросился въ музеи, въ фестивальныя залы, въ королевскій садъ, на кладбище, обошелъ множество церквей, потомъ отправился въ театръ, —печальный при тускломъ полусвѣтѣ дня: ложи пустыя черныя какъ пещеры, какъ впадины глазъ у скелетовъ... Прекрасной иностранки нигдѣ не было.

— Онѣ, вѣрно, въ Суперѣ.

Было четыре часа по-полудни. Въ Суперту я бы ужъ не поспѣлъ. Усталый, печальный я побѣжалъ скоро-скоро по дорогѣ По, до церкви Богородицы, и цѣлый часъ прохаживался, въ ожиданіи, что увижу, какъ онѣ вернутся въ городъ.

Ни тѣни! А я воображалъ ее, ея глаза, ея ротикъ, ея аппетитъ... ея изумительный аппетитъ! Мнѣ еще слышался „кракъ" сахарнаго сухарика...

— А если она не выходила изъ Турина? Если она тамъ и въ этотъ самый часъ упражняетъ свои зубочки?.. И въ самомъ дѣлѣ, съ чего я вообразилъ, что она отправилась [illegible] къ царственнымъ покойникамъ? Господи мой, Боже! А я-то самъ, какъ замороженный, торчу тутъ, жду ее... Охъ, это воображеніе!

И опять, скорѣе, бѣгомъ, вдоль По, не отдыхая, потный, раскраснѣвшись, задыхаясь, не достигъ до кондитерской Баррати.

Онѣ тамъ! Нашелъ!.. О, клянусь всѣми святыми во вселенной! Мое сердце подпрыгнуло, будто послѣ завтрака.

[illegible], я помѣстился передъ зеркаломъ, чтобы смотрѣть на нее не стѣсняясь. Но крупная старушенка, въ рыжихъ локонахъ, не двигаясь сидѣла передъ [illegible] и застила.

На этотъ разъ я рѣшилъ, что [illegible], что я по крайней мѣрѣ узнаю, гдѣ она живетъ. Онѣ вышли,—я пошелъ за ними.

Она и ея спутница шли съ британскою поспѣшностью и заставили меня бѣжать до улицы Черная. Тамъ онѣ вошли въ маленькій домъ, окруженный маленькимъ садомъ.

Куда онѣ шли? Въ гости, или къ себѣ домой?

Я стоялъ не шевелясь, будто нанятый часовой, и ждалъ разрѣшенія моихъ вопросовъ. Пробило шесть, шесть съ четвертью, шесть съ половиной. Дамы не появлялись... Наконецъ, какъ разъ въ шесть съ половиной, [illegible] сказалъ дочери:

— Пойдемте. Пора обѣдать.

Такъ онѣ тамъ обѣдали, тамъ, у себя. Старуха въ короткой юбкѣ и толстыхъ сапогахъ не могла же идти на званый обѣдъ.

Теперь я зналъ, гдѣ онѣ живутъ; это—ужъ что-нибудь. Но свойство любви—не останавливаться, восходя по лѣстницѣ желаній. Мнѣ хотѣлось знать, кто онѣ.

Я попытался войти. У привратника была обѣдающая физіономія.

— Отдается внаймы этотъ домъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, синьоръ. Наняли двѣ госпожи англичанки.

— А! госпожи..

— Да, госпожи... фамилія такая, что не выговоришь.

— Позвольте...

Я притворялся, будто припоминаю.

— Ну, забылъ и я! Все равно. Одна молодая...

— Одна вдова, а другая—миссъ.

Я далъ привратнику [illegible] въ пять лиръ и вышелъ, торжествуя.

Впрочемъ узналъ я немного. „Молодая особа—миссъ",—я это и прежде зналъ. „Старуха—вдова",—мнѣ до нея дѣла нѣтъ. Ея вдовство только избавляетъ меня отъ долгихъ ожиданій, покуда чрезъ Ла-Маншъ испросится согласіе главы дома на бракъ дочери.

Но я убѣжденъ, что онѣ живутъ тутъ, что невѣста не ускользнетъ отъ меня какъ угорь, не освищетъ моихъ надеждъ [illegible]...

Покуда я стоялъ у подъѣзда, перечитывая собранныя свѣдѣнія, подошелъ лакей съ двумя бутылками сельтерской воды, прошелъ мимо меня въ домъ и вошелъ на лѣстницу, не говоря съ привратникомъ. Тотъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, вѣроятно стараясь запечатлѣть въ умѣ своемъ образъ человѣка, заплатившаго пять лиръ за такіе пустые вопросы.

— Прислуга госпожъ англичанокъ? спросилъ я, кивнувъ вслѣдъ человѣку съ бутылками.

Привратникъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и притомъ лѣниво подмигнулъ. И это знакомство годится; слуга можетъ быть союзникомъ. А мнѣ былъ нуженъ союзникъ: прежде всего я романически желалъ познакомиться съ синьориной и увѣриться въ ея любви ко мнѣ, а потомъ уже свататься. Съ англичанкой такъ и слѣдуетъ, по правиламъ.

На завтра—повтореніе встрѣчи въ кондитерской и проводы до улицы Черная. Я пообѣдалъ въ трактирѣ, ушелъ, чтобы много не тратить, и въ семь часовъ прохаживался передъ домомъ, поджидая, не выйдетъ ли лакей. Я приготовилъ записку,—почтительную, серьезную, практичную, достойную англичанки.

„Синьорина! Въ первый же день, какъ я увидѣлъ васъ въ кондитерской, вы похитили мое сердце вмѣстѣ съ сахарнымъ сухарикомъ. Я дворянинъ. Скромное родовое состояніе. Привычки мирныя, характеръ ровный. Возрастъ—тридцать девять лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Нѣсколько попорченныя пищеварительныя способности. Послѣднее признаніе доказываетъ мою добросовѣстность. О наружности можете судить сами. Еслибы я могъ надѣяться пріобрѣсти ваше расположеніе, я былъ бы счастливъ предложить вамъ мою руку и на колѣняхъ просить вашей".

Затѣмъ—имя, фамилія и адресъ,—улица, домъ, все, чтобы она могла отвѣчать мнѣ.

Часовъ въ восемь лакей вышелъ изъ дома и направился въ лавочку на площади Сольферино, покупать газеты. Онъ возвращался, я подошелъ и спросилъ:

— Можете ли передать это письмо синьоринѣ?

— I don't understand, отвѣчалъ онъ. То-есть „не понимаю".

— To miss,—сказалъ я, показавъ письмо.

— Yes, sir.

Онъ безъ отговорокъ, безъ удивленія взялъ письмо и пошелъ.

— Каналья, очень доступенъ,—подумалъ я.—Слишкомъ даже доступенъ. Какъ видно, маменька держитъ ее по-англійски, свободно.

Я ждалъ на другой день приглашенія или записки, которая дала бы мнѣ поводъ представиться маменькѣ, видѣть синьорину и познакомиться.

Боже, какъ я волновался! Будто двадцатилѣтній! Я бы поклялся, что мнѣ двадцать лѣтъ. Все забылъ—ѣду, магнезію, бисмутъ. Всю ночь читалъ какой-то нѣмецкій романъ.

Утромъ вскочилъ невѣроятно рано и перебиралъ предъ зеркаломъ всѣ свои черные и бѣлые галстуки. Въ девять часовъ я былъ въ полной утренней формѣ. Это, конечно, нелѣпо. Но я не могъ себя удер[illegible]зонить.

— Неизвѣстно, что могло случиться,—подсказывало мнѣ мое нетерпѣніе. Можетъ быть, мнѣ напишутъ, чтобы я познакомился съ маменькою, а тотъ познакомитъ меня съ другимъ, а другой представитъ третьему, а третій поведетъ къ четвертому, которому предоставлено право предложить себя, чтобы ввести меня въ домъ госпожи вдовы и миссъ... Предположимъ, что, кромѣ моего представленія, у этихъ господъ есть свои дѣла,—понадобится не мало времени всѣхъ ихъ отыскать и подвинуть къ дѣлу. Такъ и лучше быть заранѣе наготовѣ.

Скорѣе, нежели я смѣлъ надѣяться, явилась записка, на толстой англійской бумагѣ, длиннымъ англійскимъ почеркомъ... Оставляю въ сторонѣ описаніе біенія моего сердца, моего волненія, дрожи рукъ, когда я открывалъ конвертъ,—все это не разъ описано во всѣхъ романахъ, надъ которыми дремало человѣчество. Письмо [illegible] и состояло въ слѣдующемъ:

„Синьоръ, я не знаю васъ. Я недовольно свободна для того, чтобы просить васъ придти познакомиться со мною. Какъ же быть?

Дженни Флетъ".

Ужъ конечно не благословенія послалъ я маменькѣ, которая держала въ неволѣ красавицу! Стоитъ-ли быть англичанкой, стоитъ-ли имѣть [illegible],—если надежды благороднаго человѣка должны прерваться на самомъ занимательномъ мѣстѣ!..

Я заслуживалъ состраданія! Въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ [illegible], въ бѣломъ галстухѣ, съ [illegible] подъ мышкой; глаза вытаращены... и что было, [illegible] — и то пропало!

Бѣдная дѣвочка! Жертва вдовьей тираніи!.. Но это не остановило меня, напротивъ. Она довѣрилась мнѣ; въ невинности души она спрашивала:

„Какъ же быть?"

Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть? Не признавать же себя побѣжденнымъ. Надо думать, искать... Есть средство: видѣть ее въ кондитерской!

Шарообразная старуха показалась мнѣ еще десятка на два лѣтъ старше и еще свирѣпѣе. Жадно жрала сахарные сухарики и возмущала меня. Она ихъ [illegible] цѣлую дюжину и за каждымъ поглядывала на меня, будто хотѣла и меня проглотить.

Мнѣ пришло подозрѣніе: она видѣла мое письмо къ дочери и хочетъ меня запугать, чтобы не допустить нашего брака. Я рѣшился быть осторожнѣе и не ходить за ними слѣдомъ, когда онѣ вышли.

Онѣ не отправились, какъ всегда, домой, а вошли въ новый магазинъ, напротивъ. Предъ ними развернули штуки

[illegible] очерки складка, при внутреннія кар[illegible] составляетъ теперь высоко[illegible] „Вѣнчаніе Іерусалимской [illegible]", какъ о томъ подробнѣе разсказа[illegible] П. П. Семенова, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ" (стр. 30—41); [illegible] двѣ створки складня считались утерянными, но г. Семенову, вмѣстѣ съ [illegible] бар. Врангелемъ, недавно удалось найти въ собраніи извѣстнаго любителя старинной живописи, А. А. Кауфмана. Отъ него [illegible] пріобрѣтены въ Эрмитажъ за 8,000 руб., [illegible] сравнительно съ современною стоимостью вообще картинъ Луки Лейденскаго. (*Нов. В.*)

САРАТОВЪ. За послѣднее время въ городѣ все болѣе и болѣе увеличивается контингентъ интеллигентнаго люда, ищущаго и не находящаго себѣ никакихъ занятій; **безработица въ этомъ интеллигентномъ пролетаріатѣ**—поразительная: земская и городская управы, желѣзнодорожный контроль, правительственныя и частныя учрежденія положительно завалены массой прошеній и докладныхъ записокъ о желаніи получить работу; пороги всѣхъ учрежденій ежедневно обиваются голодающей массой, большею частью молодежью. Цѣны на интеллигентныя работы сбиты до крайняго minimum'а, такъ что нерѣдко встрѣчаешь человѣка съ высшимъ образованіемъ, трудъ котораго оплачивается какими-нибудь 15—25 р. въ мѣсяцъ, за которые онъ коптитъ по 5—7 час. въ день въ душной комнатѣ за изнуряющею работою. Простая переписка разбирается, что называется, на расхватъ, за плату отъ 8 до 12 коп. за листъ убористаго письма, при чемъ переписываютъ обыкновенно конченные курсъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Какія цѣны установились за частные уроки—даже покажутъ трудно: за ежедневный часовой урокъ, съ условіемъ ходить къ ученику на домъ, платятъ обыкновенно рубля 4 или 5 въ мѣсяцъ и самые богатые—10 р., да и то только въ томъ случаѣ, если имѣются хорошія рекомендаціи. (*Русск. Кур.*).

— Среди мѣстныхъ ремесленниковъ возникла мысль объ устройствѣ постоянной **выставки произведеній кустарей-ремесленниковъ** всѣхъ цеховъ. Осуществленіе этой мысли крайне желательно. Въ настоящее время уже разрабатывается проектъ выставки. (*Сар. Дн.*).

БАКУ. Давно уже не было въ Каспійскомъ морѣ такой массы **несчастій**, какая случилась 17-го и 18-го января, во время сильнаго вѣтра съ снѣгомъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, число всѣхъ погибшихъ въ это время парусныхъ судовъ простирается до одиннадцати, судохозяевъ и судовой команды погибло семь человѣкъ. И эти цифры, какъ полагаютъ, не окончательныя, такъ какъ участь многихъ судовъ въ настоящее время еще неизвѣстна. Полагаютъ также, что не мало парусныхъ судовъ во время непогоды вѣтромъ было загнано въ Персію. (*Касп.*)

КРЕМЕНЕЦКІЙ УѢЗДЪ, Волынской губ. Громадныя **залежи каменнаго угля** открыты въ Кременецкомъ уѣздѣ уже давно. Лѣтъ десять тому назадъ за разработку ихъ взялись чехи. Но дѣло тогда не пошло. Въ прошломъ году, по словамъ газ. *Волынь*, опять явился предприниматель, варшавскій купецъ Пескинъ, который пріобрѣлъ право эксплоатаціи каменнаго угля въ уѣздѣ. Теперь имъ составлена для этой цѣли солидная компанія изъ бельгійскихъ капиталистовъ. Компанія откроетъ свои дѣйствія тотчасъ по разрѣшеніи правительствомъ вѣтви желѣзной дороги для соединенія Кременца съ Кіево-брестскою ж. д. Постройку этой вѣтви принимаетъ на себя Общество Юго-западныхъ жел. дорогъ.

РОМНЫ, Полтавской губ. Роменское уѣздное земское собраніе **постановило**, въ виду неустройства управленія и веденія медицинской части уѣзда, **просить начальника губерніи, чтобы онъ взялъ на себя управленіе медицинской частью** уѣзда, съ тѣмъ, что земство будетъ доставлять ему необходимыя на то финансовыя средства. (*Ю. Кр.*).

КРЕМЕНЧУГЪ. Здѣсь на-дняхъ разыгралась **романическая сцена**, окончившаяся трагически. Въ одной изъ лучшихъ гостинницъ остановилась молодая и красивая дама; вмѣстѣ съ нею пріѣхалъ какой-то молодой человѣкъ, который сначала жилъ отдѣльно, а затѣмъ переселился къ своей спутницѣ. Какъ-то разъ, вечеромъ, красавица осталась одна со служанкою. Кто-то постучался въ двери. Хозяйка встала и отворила дверь. Пришедшій человѣкъ выхулъ изъ кармана револьверъ и началъ угрожать имъ дамѣ. Какъ оказалось, это былъ мужъ, который затѣмъ бросился на колѣни и сталъ умолять жену вернуться домой. Однако жена отвѣчала отказомъ. Тогда мужъ, схвативъ ее за руку, сказалъ: „въ послѣдній разъ говорю тебѣ: пойдемъ". —„Нѣтъ, я люблю другаго". Доведенный до крайности, онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ. Жена упала, обливаясь кровью; убійца тѣмъ же револьверомъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и упалъ замертво. Явилась полиція и нашла только трупъ убійцы,—куда кровью на полу и стѣнѣ. Молодая же женщина оказалась еще живою, и ей была подана первая медицинская помощь. Въ настоящее время она находится въ городской больницѣ. Жизнь ея въ опасности, хотя доктора и подаютъ надежду. (*Хер. Г. В.*)

ГЛУХОВСКІЙ УѢЗДЪ, Черниг. губ. Въ ночь на 28-е января злоумышленники проникли въ усадьбу А. М. Михалевскаго (Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда, село Волокитино) и пытались сломать запоры и наружныя двери отдѣльно стоящей каменной кладовой, въ которой, по слухамъ, сторожъ Михалевскій хранилъ карбованцы. При кладовой зажили на цѣпи сторожевая собака, а на ночь становится сторожъ. Въ два часа ночи **сторожъ былъ найденъ убитымъ**, послѣ упорной борьбы, какъ видно изъ продолжительныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ дубинами черепа и слѣдовъ на снѣгѣ; собака оказалась отравленною. Неизвѣстно, что помѣшало злодѣямъ покончить свое дѣло и разграбить кладовую; для добычи они приготовили нѣсколько мѣшковъ, кусокъ хлѣба и веревки; надѣются, что эти мѣшки и оставленныя на мѣстѣ преступленія новые сапоги помогутъ найдти преступниковъ. Исправникъ, становой и слѣдователь уже прибыли въ Волокитино, но пока еще не нашли виновныхъ. (*Моск. В.*).

А. П. БЕРЖЕ (некрологъ). Въ Тифлисѣ, какъ сообщаетъ телеграфъ, скончался извѣстный изслѣдователь Кавказа, предсѣдатель археографической коммиссіи, учрежденной при главномъ кавказскомъ управленіи, Адольфъ Петровичъ Берже. Покойный, по словамъ газ. *Новости*, сдѣлалъ весьма много для изученія Кавказа, какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Большая часть его трудовъ издана въ Тифлисѣ. Изъ нихъ укажемъ: „Прикаспійскій край" (1856), „Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ" (1858), „Матеріалы для описанія нагорнаго Дагестана" (1859), „Чечня и чеченцы" (1859), „Исторія Адыгейскаго народа" (1861), „Акты, собранные кавказскою археографическою коммиссіею", подъ редакціею Берже (нѣсколько томовъ), „Кавказъ въ археологическомъ отношеніи" (1874). Берже, кромѣ того, завѣдывалъ вмѣстѣ съ г. Бакрадзе изданіемъ „Записокъ" Общества любителей кавказской археологіи. Покойный, между прочимъ, помѣстилъ не мало своихъ работъ въ *Русской Старинѣ*.

Въ 1865 г., по отдѣленію физической географіи Императорскаго русскаго географическаго Общества, Адольфъ Петровичъ получилъ награду „за постоянную и безвозмездную помощь редакціи *Словаря* общества въ отношеніи исправленія и составленія многихъ статей, до географіи Кавказа относящихся".

Служебная карьера Адольфа Петровича была слѣдующая. Въ службу вступилъ онъ въ 1851 г., въ 1861 г. получилъ орденъ св. Анны 2-й ст., въ 1866 г.—св. Владиміра 3-й ст., въ 1868 г. былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1871 г. ему пожаловано было 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи.

Московскія вѣсти.

— Во вчерашнемъ засѣданіи московской Думы городской голова сообщилъ, что въ послѣднее время случаи заболѣванія въ городѣ преимущественно сыпнымъ тифомъ настолько увеличились, что, не смотря на открытіе управою болѣе 150 временныхъ коекъ въ различныхъ больницахъ, массѣ больныхъ все-таки приходится отказывать въ пріемѣ; вслѣдствіе этого всѣ пріемные покои при полицейскихъ домахъ переполнены, и нерѣдко тифозные больные, не находя мѣста на койкахъ, должны ложиться просто на полу. Конечно, больнымъ здѣсь не можетъ быть оказываема медицинская помощь, какая имъ необходима. Кромѣ того пріемные покои, какъ извѣстно, имѣютъ свое спеціальное назначеніе, и присутствіе въ нихъ огромнаго количества больныхъ, требующихъ продолжительнаго и серьезнаго лѣченія, представляется крайне неудобнымъ. Въ виду всего этого городская управа, по соглашенію съ г. московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, открываетъ для помѣщенія тифозныхъ больныхъ отдѣленія при Мясницкомъ, Арбатскомъ, Срѣтенскомъ, Хамовническомъ и Яузскомъ частныхъ домахъ, устроенныя здѣсь на случай появленія холеры. Отдѣленія эти будутъ открыты къ пятницу на текущей недѣлѣ.

— Во вчерашнемъ же засѣданіи московской Думы были произведены выборы недостающихъ мировыхъ судей почетныхъ и участковыхъ, а также членовъ торговой депутаціи. Избранными оказались: въ почетные мировые судьи: Н. П. Горбуновъ, графъ В. И. Капнистъ и В. П. Солдатенковъ; участковыми мировыми судьями: Остров Н. А., Арнольдъ А. А., Семеновъ В. А. и Отяевъ В. П.; кандидатами къ нимъ: Чириковъ В. А. и Д. Н. Родичевъ; членами торговой депутаціи: Г. Г. Урусовъ и Н. Е. Грачевъ.

— 3-го февраля, вечеромъ, на Долиновской ул., 1-го уч. Мѣщанской части, въ д. Добронотова, неизвѣстными ворами ограблена квартира казачки Маріи Захаровой Косачевой. Воры въ квартиру проникли чрезъ выломанныя двери, когда въ ней никого не было, и украли все находившееся въ шкатулкахъ: золото и серебро, заключавшееся въ разныхъ дамскихъ и мужскихъ вещахъ, 15 полуимперіаловъ, 2 билета 1-го Внутренняго займа, 6 билетовъ втораго Восточнаго займа, по 100 р. каждый, серебряной монеты на 75 р., разныя залоговыя квитанціи и паспортъ Косачевой. Сумма похищеннаго доходитъ приблизительно до 3,000 р. Розыскъ похитившаго дѣятельно производится сыскной полиціей.

Смерть отъ угара. 3-го февраля въ Зачатьевскія простонародныя бани, находящіяся въ Лѣвшинскомъ пер., 1-го уч. Пречистенской ч., въ 4 часа пришли двое поденщиковъ, занимавшіеся прежде при этихъ баняхъ пилкою дровъ, моск. мѣщ. Иванъ Егоровъ и кр. Смоленской губ. Николай Егоровъ, проживающіе въ Хамовникахъ. Войдя въ отдѣленіе, въ которомъ не замѣтно никого, они легли такъ спать: Иванъ Егоровъ на полу, а Николай Егоровъ—на лавкѣ. Вскорѣ въ баню вошелъ случайно проходившій, кр. Николай Терентьевъ, который, замѣтивъ, что оба они лежатъ въ безсознательномъ состояніи, сошелъ просушу и началъ приводить въ чувство лежавшихъ. Послѣ долгихъ усилій одного изъ нихъ, Ивана Егорова, удалось привести въ сознаніе, а Николай Егоровъ оказался уже мертвымъ. Дознаніемъ выяснено, что оба они пришли въ баню въ сильно-нетрезвомъ видѣ для ночлега и тамъ сильно угорѣли. Дѣло передано судебному слѣдователю.

Нанесеніе раны во время драки. Того же числа въ трактирѣ куп. Власова, по Бахметьевскому ул., пришли пить чай рабочіе купеческаго заведенія Гребе и такого же заведенія Брена. При выходѣ изъ трактира слово пришлось между ними произошла драка, во время которой крест. Смоленской губ., Ельнинскаго уѣзда, Степановъ Ильинъ, нанесенъ рана въ правую лопатку рабочему заведенія Гребе, кр. той же губ. Ивану Иванову. Пострадавшій былъ отправленъ въ мѣстный пріемный покой, откуда, по оказаніи ему медицинскаго пособія, переведенъ на излѣченіе въ Басманную больницу. Рана, по заключенію врачей, не опасна. Ильинъ не сознался въ нанесеніи раны, а также неизвѣстно, какимъ орудіемъ нанесена она.

Задержанный воръ. Того же числа, въ трактирѣ купца Григорьева, въ д. Бенкендорфа, 1-го уч. Мясницкой ч., задержанъ неимѣющій постояннаго мѣста жительства и занятій моск. мѣщанинъ Петръ Ивановъ Щербаковъ, 20-ти лѣтъ, который разсказывалъ своимъ товарищамъ, что онъ на-дняхъ былъ задержанъ на станціи Кубенка Брестской жел. дор. за кражу [illegible] и бѣжалъ оттуда отъ сопровождавшихъ его сотскихъ. Дознаніе производится.

Кража со взломомъ. Того же числа, проживающій въ д. Вознесенскаго монастыря, въ Городѣ, кр. Рузскаго уѣзда Петръ Евдокимовъ Сидоровъ заявилъ полиціи, что вчера, въ его отсутствіе, изъ квартиры его, по взломѣ замка, похищено пальто и сюртукъ, стоющіе 80 р. Къ розыску похищеннаго и похитителя приняты мѣры.

— Того же числа, діаконъ церкви св. Козьмы и Даміана, въ Замоскворѣчьи, Михаилъ Соколовъ заявилъ въ управленіи 1-го уч. Пятницкой ч., о кражѣ изъ его запертой квартиры, по сломкѣ замка у двери, разнаго носильнаго платья на 79 р. Къ розыску похищеннаго и похитителя приняты мѣры.

Ушибъ. Того же числа московскій цеховой Василій Грачевъ, живущій въ домѣ Кабанова, 1 уч. Сущевской части, возвращаясь изъ „Тиволи" въ Сокольникахъ, встрѣтился съ ѣхавшимъ по Сокольническому шоссе обозомъ дровъ, и, желая отвильнуть, поскользнулся подъ лѣвой стороной дороги, упалъ, ударился головою о дрова и получилъ ушибъ до крови. Пострадавшему подано медицинское пособіе.

Угонъ лошади. Того же числа въ управленіе 2-го уч. Сущевской ч. явился кр. Бронницкаго уѣзда Василій Ефимовъ Мироновъ, живущій на огородахъ во 2-мъ станѣ Московскаго уѣзда, и заявилъ, что 1-го февраля, въ 6 ч. веч., на Бутырскомъ шоссе отъ трактира Дмитріевой неизвѣстно кѣмъ угнана его лошадь, запряженная въ розвальни, въ которыхъ лежали: желѣзный ломъ, 2 багра и лопата, всего на 75 руб. При дознаніи Мироновъ объяснилъ, что, проѣзжая Бутырками, отъ которыхъ онъ недалеко живетъ, Мироновъ остановился у трактира Дмитріевой, привязалъ лошадь къ колодѣ, а самъ отправился пить чай; по выходѣ же изъ трактира онъ лошади не нашелъ и, полагая, что она сама ушла домой, отправился туда же, но и тамъ ее не оказалось. Проискавъ напрасно лошадь два дня, онъ и заявилъ объ ея угонѣ. Къ розыску лошади приняты мѣры.

— Засѣданіе статистическаго отдѣла Юридическаго Общества 29-го января открылось краткой рѣчью г. предсѣдателя А. И. Чупрова, въ которой онъ, напомнивъ собранію о кончинѣ Ив. С. Аксакова, указалъ на заслуги покойнаго въ дѣлѣ отечествовѣдѣнія, а затѣмъ предложилъ присутствующимъ встать и выслушать слѣдующую резолюцію: „Статистическое отдѣленіе юридическаго Общества, высоко цѣня заслуги покойнаго въ дѣлѣ изученія родной страны, искренно сожалѣетъ о его кончинѣ и заносить объ этомъ въ протоколъ". Затѣмъ А. И. Чупровымъ были прочтены нѣкоторыя главы изъ весьма интересной статьи И. А. Гурвича: „Переселеніе крестьянъ въ Сибирь". Авторъ изслѣдованій, указавъ предварительно на пути, которыми движутся переселенческія массы, знакомитъ читателя съ той невеселой обстановкой, въ которой находятся переселенцы во время своего путешествія, продолжающагося отъ 2 до 4 мѣсяцевъ; общій итогъ переселенческаго движенія за 1881—1882 гг., на основаніи существующихъ данныхъ, исчисляется авторомъ въ 24 тысячи наличныхъ душъ. Сравнивая эти цифры съ цифрою переселеній за тридцатилѣтній почти періодъ съ 1846—1879 годъ, исчисленною г. Ядринцевымъ въ 78,753 ревизскихъ души, авторъ замѣчаетъ, что возникшее въ послѣдніе годы переселенческое движеніе представляетъ серьезное народное движеніе, совершенно новое по своей силѣ и обширности. Задаваясь вопросомъ о причинахъ переселенческихъ движеній въ Сибирь, авторъ прежде всего, пользуясь данными о путяхъ движенія, устанавливаетъ тотъ фактъ, что большинство переселенцевъ, свыше 70%, выходитъ изъ средней черноземной полосы Россіи, другая, меньшая часть, изъ другихъ полосъ. Такимъ образомъ главную массу переселенцевъ поставляютъ тѣ области Россіи, въ которыхъ, въ силу естественныхъ свойствъ мѣстности, почти исключительнымъ занятіемъ населенія является земледѣліе. Это обстоятельство указываетъ, что корней переселенческаго движенія слѣдуетъ искать въ современномъ положеніи крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.

Что касается вопроса, къ какому классу деревенскихъ жителей принадлежатъ переселенцы, то авторъ, вопреки весьма распространенному въ нашей печати мнѣнію, что переселяется бѣднѣйшая часть крестьянства, утверждаетъ, что главная масса переселенцевъ представляетъ въ родѣ средній классъ. Бѣднякъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не имѣетъ никакой возможности переселиться по значительности тѣхъ расходовъ, съ которыми сопряжено съ одной стороны выходъ изъ роднаго села, требующій уплаты всѣхъ недоимокъ и выправленія увольнительнаго приговора, съ другой—расходовъ, необходимыхъ въ путешествіи и затратъ на обзаведеніе хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ. Въ защиту своего мнѣнія авторъ приводитъ и другія не менѣе вѣскія доводы. При выборѣ мѣстъ поселенія переселенцы руководствуются главнымъ образомъ письмами своихъ родныхъ и знакомыхъ, переселившихся въ Сибирь лѣтъ за 20 до настоящаго времени, по вызову правительства въ Тобольскую и Томскую губерніи. Семьи, переселившіяся по такимъ источникамъ, по словамъ автора, составляютъ 60% всѣхъ переселенцевъ. По свѣдѣніямъ задаюсь, отправлявшихся или вороть, или идущихъ по собственной иниціативѣ и на собственныя средства, переселилось 19% и, наконецъ, по разсказамъ богомольцевъ и торгашихъ людей —12%. Главный потокъ переселенческаго движенія оставляетъ въ настоящее время на всей Томской губерніи, преимущественно въ Алтайскомъ горномъ округѣ, на земляхъ Кабинета Е. В. Явившіяся сюда переселенцы, не имѣющіе, за рѣдкими исключеніями, средствъ къ обзаведенію собственнымъ хозяйствомъ, поступаютъ обыкновенно въ батраки къ старожиламъ и, прослуживши у нихъ нѣсколько лѣтъ, становятся самостоятельными хозяевами. Такой сравнительно легкій переходъ изъ положенія рабочихъ въ самостоятельныхъ хозяевъ объясняется высокой заработной платой, въ силу громаднаго спроса на рабочія руки, далеко превышающаго предложеніе. Авторъ задается вопросомъ, въ какой мѣрѣ можно считать устойчивымъ современное благополучіе Алтайскаго новосела, и, отвѣчая на него, развиваетъ слѣдующую мысль. Если переселенческое движеніе будетъ такъ же интенсивно и впредь, какъ теперь, то несомнѣнно, что конкурренція рабочихъ рукъ въ новыхъ мѣстахъ поселенія значительно понизитъ уровень заработной платы. Съ другой стороны—переселенцы въ настоящее время фактически принуждены покупать землю. Причина этому слѣдующая. Поселенцы не могутъ основать новаго поселка на даровыхъ земляхъ какъ въ силу нѣкоторыхъ фискальныхъ ограниченій, такъ, главнымъ образомъ, по недостатку средствъ для этого. Такимъ образомъ они волей-неволей должны приписываться къ существующимъ уже крестьянскимъ обществамъ, за что послѣднія взимаютъ значительную сумму, доходящую иногда и теперь до 70 руб. Съ увеличеніемъ притока количество обязанныхъ земель уменьшится, а потому приписка будетъ стоить гораздо дороже. Такимъ образомъ, съ одной стороны, труднѣе станетъ дѣлать сбереженія изъ своего заработка, съ другой—потребуется больше этихъ сбереженій для пріобрѣтенія осѣдлости въ краѣ. Это обстоятельство, по мнѣнію автора, несомнѣнно поведетъ къ увеличенію поисковъ неудачнаго переселенія и учащенію случаевъ возвращенія переселенцевъ на родину. Эти неудачи повлекутъ къ всеобщему охлажденію къ переселеніямъ и переселеніе утратитъ присущій ему въ настоящій моментъ характеръ массоваго общественнаго движенія и снова войдутъ въ разрядъ обыкновенныхъ экономическихъ явленій.

По прочтеніи доклада А. Ив. Чупровъ замѣтилъ, что онъ не раздѣляетъ пессимистическихъ взглядовъ автора на будущность переселенческаго движенія. Весьма возможно, что въ сибирскихъ обществахъ будетъ происходить то же явленіе, какое наблюдается въ нѣмецкихъ колоніяхъ въ Таврической губерніи, а именно: съ переполненіемъ общества и уменьшеніемъ количества обязанной земли на душу, излишнее населеніе будетъ выселяться на общественный счетъ на другія земли и образуетъ новые посады. Въ дополненіе къ сказанному И. И. Каблуковъ прибавилъ, что въ недавно вышедшемъ Статистическомъ Сборникѣ по Самарской губерніи указанъ фактъ постояннаго переходнаго населенія. Изъ переполненныхъ обществъ, съ экстенсивнымъ хозяйствомъ и истощенной почвой, крестьяне переходятъ въ мѣстности съ большимъ запасомъ земель нетронутыхъ и тамъ продолжаютъ вести такое экстенсивное хозяйство. На мѣсто же ихъ поселяются крестьяне изъ другихъ губерній, привыкшіе къ интенсивному хозяйству. То же самое, по мнѣнію г. Каблукова, можетъ въ будущемъ практиковаться и въ Сибири.

Иностранныя извѣстія.

АНГЛІЯ. 28-го января, т. е. на другой день послѣ описанныхъ безпорядковъ, въ **Лондонѣ чуть не возобновились безобразныя сцены, театромъ которыхъ былъ Вестэндъ**, но на этотъ разъ полиція была подготовлена и погромъ былъ предупрежденъ. Около полудня плотная толпа, состоявшая изъ соціалистовъ и незанятыхъ рабочихъ, собралась близь Національной галереи. Соціалистскіе ораторы снова произнесли рѣчи. Первый изъ нихъ порицалъ насилія, которыя позволилъ себѣ народъ наканунѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что демонстрація все-таки была внушительная и что она несомнѣнно откроетъ глаза властей на условія, въ которыхъ находятся въ настоящую минуту незанятые рабочіе. „Но,—прибавилъ онъ,—дабы это впечатлѣніе было дѣйствительнѣе, рабочіе должны собираться въ Трафальгаръ-скверъ ежедневно, до тѣхъ поръ, пока правительство не приметъ серьезныхъ мѣръ для прекращенія нищеты, господствующей среди рабочихъ классовъ". Другой ораторъ не былъ того же мнѣнія; онъ заявилъ, что положеніе рабочихъ классовъ не улучшится, пока не будутъ учреждены мѣстные комитеты для реорганизаціи труда. По его мнѣнію, собираться ежедневно и дѣлать платоническія демонстраціи ни къ чему не послужитъ, а надо дѣйствовать энергически, какъ это сдѣлано было наканунѣ. Этотъ митингъ продолжался два часа, послѣ чего толпа, въ значительной степени возбужденная, вышла изъ Трафальгаръ-сквера. Ободренная свободою, предоставленною ей наканунѣ полиціею, она направилась въ Коксперъ-стритъ и оттуда въ Паль-Маль. Все, казалось, обѣщало новую безнаказанность, и толпа направлялась идти къ Сентъ-Джемскому дворцу, гдѣ въ это время происходилъ пріемъ у принца Валлійскаго, чтобы сперва устроить демонстрацію, а потомъ произвести новые безпорядки. Но, когда толпа вступила въ Паль-Маль, она была встрѣчена у Карльтонъ-клуба многочисленнымъ полицейскимъ отрядомъ, который плотною массою загородилъ ей дорогу. Сзади нѣсколько констаблей находился отрядъ конныхъ жандармовъ, и хотя полицейская сила, казалось, была далеко недостаточна, чтобы устоять передъ напоромъ толпы, но видъ вооруженныхъ агентовъ поколебалъ рѣшеніе бунтовщиковъ. Толпа поспѣшно стала отступать и вымѣщала свою досаду на проходящихъ по улицамъ и на экипажахъ, останавливая ихъ, оскорбляя сидѣвшихъ въ нихъ лицъ. По полиція скоро настигла толпу и произвела въ нее сильный натискъ, вслѣдствіе чего сборище скоро было разсѣяно. Это было началомъ конца, такъ какъ число полицейскихъ быстро увеличивалось, и подъ управленіемъ двухъ полицейскихъ надзирателей, Говарда и Бреннана, Трафальгаръ-скверъ былъ очищенъ. Бунтовщики пытались-было собираться въ окрестностяхъ сквера и плотными колоннами выступать на полицію, которая въ иныхъ случаяхъ съ трудомъ могла сладить съ бунтовщиками. Но въ 4-мъ часамъ на театръ безпорядковъ прибыли сильныя подкрѣпленія полицейскихъ агентовъ, и тогда толпа была уже окончательно разсѣяна, такъ что всякая опасность уже исчезла. Одинъ репортеръ *Pall Mall Gazette* явился съ **тремя главными вожаками соціалистской федераціи,** Чампіономъ, Гайндманомъ и Уайтсомъ, и эти послѣдніе увѣряли, что они не подстрекали толпу къ насиліямъ, совершеннымъ ею на улицахъ, особенно передъ клубами. Трафальгарскій митингъ былъ созванъ не ими, а „fair-trade"-рами, подкупленными агитаторами, которые желали извлечь пользу изъ сходки незанятыхъ рабочихъ. Что касается до соціалистской федераціи, то она естественно не могла упустить благопріятнаго случая для пропаганды своихъ идей и, воспользовавшись сходкою незанятыхъ рабочихъ, показала имъ, чрезъ своихъ ораторовъ, средства, которыя одни, по мнѣнію федераціи, могли бы улучшить ихъ положеніе. Но соціалистскіе ораторы вовсе не подстрекали толпу къ грабежу и къ насиліямъ и слѣдовательно не должны нести за нихъ отвѣтственности. Выдающіеся органы англійской печати, между прочимъ *Standard*, возбуждаютъ вопросъ о вознагражденіи пострадавшихъ отъ погрома лицъ на счетъ казны.

— По извѣстіямъ изъ Лондона, день 30-го января **прошелъ спокойно.** Всѣ лавки были открыты и дѣла приняли свое обычное теченіе. Тѣмъ не менѣе полиція продолжала принимать необходимыя мѣры предосторожности. Послѣ полудня произведена была попытка устроить соціалистскій митингъ въ Гайдъ-паркѣ. Нѣкто Джонъ Муррей, развернувъ красное знамя, собралъ вокругъ себя довольно многочисленную толпу и обратился къ своимъ слушателямъ съ рѣзкою, возмутительною рѣчью, но полиція немедленно вмѣшалась; небольшое сравнительно сборище было разсѣяно, а Муррей арестованъ. Въ этотъ же день передъ Мэншенъ-гаузомъ собралась группа въ 300 незанятыхъ рабочихъ и выбрала изъ своей среды двухъ делегатовъ къ лорду-меру для испрошенія вспомоществованія. Лордъ-меръ отвѣчалъ этимъ делегатамъ, что всякій рабочій, нуждающійся въ помощи, долженъ адресовать свое прошеніе комитету, который, по надлежащемъ разслѣдованіи, окажетъ матеріальную помощь, если найдетъ это умѣстнымъ. Рабочіе, получивъ этотъ отвѣтъ, прокричали „ура" въ честь лорда-мера и разошлись. Фонды, находящіеся въ распоряженіи вспомогательнаго комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ самого лорда мэра, простираются въ настоящую минуту до 10,000 фунт. стерл. Изъ Лондона сообщаютъ отъ 31-го января въ *Galignani's Messenger*, что незанятые рабочіе Бермингема опубликовали манифестъ, гласящій, что они устроятъ 3-го февраля митингъ, чтобы потребовать у муниципальнаго совѣта работы или денежной помощи. Гайндманъ, Бернсъ и другіе вожаки соціалистовъ приглашены въ Бермингемъ для произнесенія рѣчей. Наконецъ, 29-го января **происходили безпорядки въ Лейчестерѣ** по случаю стачки сапожниковъ. Нѣсколько сотъ молодыхъ людей разбивали оконныя стекла въ разныхъ фабрикахъ. По прибытіи полиціи, толпа разсѣялась, но вечеромъ образовались новыя группы, тоже разбитыя ею. Въ Дарро происходилъ митингъ 3,000 незанятыхъ рабочихъ. Ихъ угрожающее положеніе сильно встревожило фабрикантовъ, но никакихъ безпорядковъ неизвѣстныхъ учинено не было. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона отъ 31-го января, спокойствіе вполнѣ возстановилось въ

бѣлаго тюля; тюль наполнялъ всю залу, разстилался по столамъ, закуталъ синьору какъ туманъ.

— Бальное платье! Она ѣдетъ на балъ. Случай познакомиться... Нарочно въ этотъ часъ пришла въ этотъ магазинъ, чтобы я увидался!.. Гдѣ бы ни давался этотъ балъ, клянусь, я тамъ буду.

И я отправился узнавать, гдѣ и когда танцуютъ.

Былъ у всѣхъ свѣтскихъ пріятелей, у всѣхъ блестящихъ туринскихъ дамъ. Никто не зналъ, что гдѣ-то готовится праздникъ. Никто не собирался танцовать.

Я началъ тревожиться. Пошелъ въ клубы, кофейни. Останавливалъ, разспрашивалъ прохожихъ на улицѣ. Подайте мнѣ балъ, во что бы ни стало! Наконецъ нашелъ, въ Дорегросса. Изъ конторы моего нотаріуса вышелъ молодой человѣкъ и подошелъ ко мнѣ. Я встрѣтилъ его вопросомъ, будто пистолетнымъ выстрѣломъ:

— Извините... Вы на этихъ дняхъ танцуете?

— Да, синьоръ, танцую: у Пенсале.

Я взялъ его руку, потомъ другую, пожалъ обѣ любовно. Въ порывѣ благодарности, мнѣ хотѣлось прижать его къ сердцу.

— Вы пойдете туда? вскричалъ я.—И я пойду! Достаньте мнѣ приглашеніе.

— Но, синьоръ.....

— Прошу васъ! Не откажите! Вы не можете вообразить, какъ я желаю познакомиться съ семействомъ Пенсале. Самое горячее изъ моихъ желаній! Не сплю, не ѣмъ... Господа Пенсале необходимы для моей жизни, для моего счастія...

Надо было просить, настаивать. Бѣдный малый метался изъ стороны въ сторону, отговаривался, становился даже неучтивъ.

— Вѣдь это, такъ, маленькій, почти семейный праздникъ. Приглашаютъ только самыхъ близкихъ друзей... И безъ того много танцующихъ... А танцующихъ дамъ —мало...

Просто, я былъ лишній; меня не хотѣли! Но я все настаивалъ и, наконецъ, вытянулъ приглашеніе.

Оставалось ждать три дня. Всякій день прелестная миссъ и жирная жеменьла, послѣ завтрака въ кондитерской, или въ модистокъ и магазинъ заваливалась бѣльемъ, матеріями и бѣльемъ покрывалами.

Наконецъ настала часъ. Я надѣлъ свой бѣдный черный фракъ, свой несчастный бѣлый галстукъ, взялъ свой *claque*... Среди порывовъ того утра онъ получилъ повреждение и при всякомъ движеніи издавалъ будто стонъ. Я одѣлся трепеща, и поѣхалъ.

Карета остановилась у указаннаго подъѣзда. Я заглянулъ въ окно.

— Дальше. Не тутъ.

— Тутъ, синьоръ. Номеръ тридцать первый.

Я посмотрѣлъ самъ. Да. Эта улица, этотъ самый домъ. Но въ окнахъ потемки, на лѣстницѣ една свѣтъ, ни души прислуги, ни звука, ни одной кареты на улицѣ. А между тѣмъ—половина одиннадцатаго.

Я поднялся въ первый этажъ: всѣ двери заперты и—тишина. Поднялся во второй: всѣ двери заперты и вдали едва-едва что-то слышится. Въ третьемъ—звуки определенные. Должно быть, тутъ. Но всѣ двери заперты.

Хоть это и показалось мнѣ странно, я однако позвонилъ.

— Или у нихъ нѣтъ прислуги?—подумалъ я:—заставляютъ людей дожидаться.

Прибѣжалъ отворить тотъ самый писарь моего нотаріуса, что доставилъ мнѣ приглашеніе. Лакеевъ не было совсѣмъ. Единственная лампочка въ прихожей издавала ароматъ петролеа, розовой для моего нѣжнаго желудка. Я чуть не повернулъ назадъ. Но, подумавъ о миссъ Джении, нарядной, прелестной, я, съ геройствомъ влюбленнаго, сбросилъ пальто.

— О, Господи!.. вскричалъ писарекъ, пораженный, какъ-будто изъ-подъ моего пальто явилась каменная статуя командора.—Вы... по бальному!

Я взглянулъ на него съ презрѣніемъ. Что-жъ онъ воображалъ, дикарь, какъ я одѣнусь на вечеръ, гдѣ дамы по бальному, въ бѣломъ? Посмотрѣлъ я на его визитку, на его жилетку, на его черный галстукъ, а миссъ Джении тутъ, въ облакѣ кружевъ!.. Скотина!

Я вошелъ въ залу, держа *claque* подъ мышкой, застегивая третью пуговку перчатки, и попросилъ писаря представить меня хозяйкѣ дома.

— Извините, ея нѣтъ... Она, должно быть, тамъ...

— Пойдемте къ ней,—сказалъ я, не отводя глазъ отъ пуговицы и продолжая идти на розыски хозяйки.

— Да что же вы!—вскричалъ юноша, удерживая меня:—развѣ вы хотите въ кухню?

— Въ кухню?

Изумленный, я поднялъ глаза и оглянулся.

Лучше быть подъ землею, чѣмъ очутиться на землѣ!

Зала въ нѣсколько квадратныхъ метровъ, голый каменный полъ. На меня съ удивленіемъ смотрѣли какія-то старухи въ чепцахъ. Группа дѣвушекъ въ темненькихъ платьицахъ. Онѣ выглядывали на меня, хохоча изподтишка, какъ уличные мальчишки. Пять-шесть студентовъ или сидѣльцевъ изъ лавокъ, всѣ безъ перчатокъ, и помогали дѣвицамъ еще много хихикавать...

Въ эту минуту писарь, который бѣгалъ въ кухню отыскивать хозяйку, явился предо мною съ барыней въ черномъ краненомъ платьѣ. Она протянула мнѣ голую руку.

— Очень пріятно познакомиться, господинъ...

И не договорила имени, какъ лавочницы, завороженные съ посѣтителями.

Послѣ, я узналъ, что Пенсале въ самомъ дѣлѣ лавочники, остановившіе торговлю.

Я сказалъ, что заѣхалъ только на минуту—извиниться, что не могу воспользоваться ея приглашеніемъ. Сказалъ, что меня ждутъ на подписаніе брачнаго контракта. Притомъ, чтобы оправдать эту отговорку, показалъ на свой туалетъ и направился къ двери. Меня преслѣдовалъ шумный взрывъ хохота барышенъ и купчиковъ.

Эта сцена повергла меня въ ужасное состояніе. Я былъ побѣжденъ, осмѣянъ, разочарованъ... Больше выносить невозможно; все спокойствіе было слишкомъ потрясено, а желудокъ!..

Что дѣлать? Миссъ Джении это у меня спрашивала! Ей бы самой слѣдовало хоть немножко помочь. Возмущенный въ глубинѣ души, я написалъ ей:

„Синьорина! Я поставилъ себя въ смѣшное положеніе, отыскивая, гдѣ бы видѣть васъ. Я явился по-бальному на вечеринку къ лавочницѣ и раскланивался съ лавочницей. Почему вы не сказали, гдѣ были или гдѣ будете въ бальномъ платьѣ? Изъ состраданія, скажите."

Я послалъ записку по почтѣ; на другой день—отвѣтъ.

Миссъ Джении не ѣздила и не поѣдетъ ни на какой балъ; она ведетъ жизнь уединенную. Вдова и дѣвушка, одинокія, не могутъ посѣщать общества. Она находила, что супруга лавочника „shocking", но это не бѣда. И еще повторяла, что не настолько незнакома, чтобы пригласить меня въ свой домъ.

Терпѣніе мое истощилось. Надо что-нибудь кончить. Я вышелъ изъ дома, рѣшившись слѣдовать за нею вездѣ, отважиться на все, чтобы только познакомиться.

Но мнѣ принесли ея письмо часовъ въ пять, и я немного запоздалъ. Въ галлереѣ, у модистки на прилавкѣ, уже были горы тюля. Миссъ Джении была тамъ.

Ничто не могло удержать меня. Возбужденная препятствіями моя любовь принимала неистовый характеръ. Я геройски распахнулъ дверь и вошелъ, крича:

— Дайте мнѣ галстукъ!

Я произнесъ это такимъ тономъ, будто: „кошелекъ или жизнь!", и сжималъ свой портмоне, будто убійственное оружіе.

Модистка была занята, развертывая великолѣпное бѣлое кружевное покрывало, которое показывала миссъ Джении.

— Лучше, наряднѣе этого не найдете,—говорила она.

— Вижу; мнѣ оно очень, очень нравится,—отвѣчала прелестная миссъ, голосомъ, отъ котораго окурѣли бы всѣ семь греческихъ и прочихъ мудрецовъ. Но—дорого; я не хочу столько тратить. Довольно простаго тюлеваго.

Она вышла, бросивъ на кружевное чудо такой взглядъ сожалѣнія, что весь мой гнѣвъ разлетѣлся. Я былъ до слезъ растроганъ мыслью, что жестокая мать подвергала эту дѣвочку такимъ лишеніямъ... Въ моихъ глазахъ не было на свѣтѣ злодѣя хуже этой матери!

Я спросилъ цѣну кружевнаго покрывала.

— Шестьсотъ лиръ,—отвѣчала модистка.

То есть—600, шестьсотъ...

Съ минуту у меня голова завертѣлась. Мнѣ показалось, что меня бросили съ колокольни. Я схватился за прилавокъ, чтобы не упасть. Но я скоро оправился и улыбнулся: счастливая мысль—сдѣлать дурачество. Да, я еще былъ способенъ на дурачества!

Тѣмъ болѣе, что это дурачество будетъ поставлено въ счетъ и внесено въ свадебный контрактъ... Потому что эта дѣвушка будетъ моею женою, должна быть, во что бы ни стало.

Я купилъ покрывало, приложилъ свою визитную карточку и приписалъ подъ своимъ именемъ:

„... Умоляетъ на колѣняхъ позволенія миссъ Джении поднести ей это бѣлое покрывало. Если она пожелаетъ—оно будетъ покрываломъ вѣнчальнымъ!"

Вечеромъ у ея подъѣзда я дождался лакея и вручилъ ему картонку съ покрываломъ и карточку.

— *To miss.*

— *Yes, sir.*

Безъ всякихъ затрудненій!.. Какъ это —такая свобода на корреспонденцію, а принять гостя не можетъ?..

Едва я проснулся на слѣдующее утро, отвѣтъ ужъ былъ получевъ.

— Миссъ Джении была очень, очень (*very, very*) тронута моей любовью и моимъ брачнымъ подаркомъ. Она была такъ благодарна, такъ желала имѣть собственную, свою семью, свой домъ, кого-нибудь, кто бы любилъ ее,—что соглашалась быть моей женою, если сердца наши поймутъ другъ друга при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Этимъ вечеромъ, въ девять часовъ, я долженъ придти въ калитку сада. Лакей меня впуститъ. Миссъ Джении въ отчаяніи, что такъ таинственно принуждена принять меня, но—она не свободна!.. Можетъ быть, мнѣ непріятенъ такой пріемъ?..

Читательница, подумайте только: „непріятенъ!!"—Мнѣ за нее было непріятно, за бѣдняжку-дѣвочку, принужденную прибѣгать къ подобнымъ уловкамъ съ благороднымъ человѣкомъ! съ человѣкомъ, который прилично просилъ чести представиться въ домъ, узнать ее, сдѣлать ее подругою своихъ радостей и огорченій!

— Вотъ до чего родительская строгость доводитъ дочерей! воскликнулъ я, еще разъ проклиная гадкую старуху.

Отказываюсь описывать мои волненія и этотъ безконечно длинный день. Проходили самые длинные лѣтніе дни, но этотъ былъ всѣхъ длиннѣе. Я позавтракалъ, потомъ пообѣдалъ. Позавтракалъ въ другой разъ; потомъ еще пообѣдалъ. Выспалъ съ дюжину чашекъ кофе. Пилъ содовую воду, пилъ сельтерскую. Одѣлся. Воротился домой и еще переодѣлся. Выкурилъ цѣлую коробку сигаретокъ, привелъ свой желудокъ въ самое жалостное состояніе. И все-таки было только семь часовъ. Еще два часа ждать!

Нанялъ карету, велѣлъ катать себя два часа. Но въ половинѣ девятаго не могъ больше терпѣть и приказалъ везти себя въ улицу Черинѣа.

Лакей возвращался изъ лавки съ газетами. Едва увидя меня, онъ направился въ калитку сада, отперъ ее и, какъ догадливый человѣкъ, ушелъ за своимъ дѣломъ.

Я вошелъ въ садъ, простирая объятія Джении, которая, безъ сомнѣнія, прибѣжитъ мнѣ на встрѣчу. Но я обнялъ дерево: Джении не было.

— Поторопился я,—сообразилъ я нѣсколько, и въ ожиданіи сталъ прохаживаться. Было тепло и темно. Окна дома отворены. Сквозь спущенныя занавѣски комнаты нижняго этажа виднѣлся свѣтъ.

Я не могъ утерпѣть своего любопытства, подошелъ и заглянулъ подъ занавѣску.

Миссъ Джении стояла передъ зеркаломъ и примѣряла простое, бѣлое тюлевое покрывало, разговаривая съ маменькой,—которой мнѣ не было видно: она сидѣла въ простѣнкѣ у самаго окна.

— Бѣлое покрывало не принято, говорила она. Мнѣ слѣдовало бы подъ-вѣнецъ надѣть черное, но я молода...

— И такъ хороша! прервала особа, сидѣвшая у окна.

Клянусь всѣми обманами, приподнявшими вселенную въ отчаяніе,—это былъ голосъ мужчины! Мужчина вошелъ въ домъ! Мужчина осмѣлился сказать, что она „такъ хороша",—Джении, моя Джении! А она позволила другому говорить это! сидѣлась тамъ мною, обманывалъ, сберегая на тайное свиданіе со мною!.. Тѣмъ молодъ и такъ дьявольски!.. Я заткнулъ себѣ ротъ кулакомъ, чтобы не закричать.

Этотъ мужчина, соблазнитель, всталъ... Правда прежде всего: онъ былъ красивъ. Лѣтъ, можетъ быть, тридцати, высокъ, черноволосъ, здоровъ... О, здоровъ!

Я видѣлъ, онъ подошелъ къ ней...

— „Сыра земля, что же ты не разступилась"?..

Я видѣлъ, онъ обнялъ ее за талію, другой рукой взялъ ея прелестную черноволосую головку...

— Ты такъ хороша, моя Магдалина, моя невѣста...

Магдалина! Его невѣста!.. У меня затряслись всѣ члены, мои мысли смѣшались... Магдалина... У меня въ карманѣ только-что полученныя толстыя письма, подписанныя „Джении". Его невѣста... А она писала, что принимаетъ брачный подарокъ, что согласна за меня выйдти!.. Я боялся обезумѣть!

— Хороша я или дурна, я не имѣю права надѣвать бѣлаго покрывала,—возразила она:—мнѣ еще нѣтъ двадцати двухъ лѣтъ и я вдова.

Милосердый Боже! Вдова—она, она, молоденькая... и ее зовутъ Магдалиной!.. Кто же эта миссъ Джении?

Она будто отвѣтила мнѣ:

— Вотъ и миссъ Джении говоритъ, что вдовѣ должно надѣвать подъ вѣнецъ черное покрывало...

Такъ въ домѣ есть еще миссъ Джении... Но ихъ въ домѣ всего двѣ дамы... Такъ миссъ Джении и есть старушенка-гувернантка, тетенька, старая дѣва!

А я, я, благодаря своему роковому воображенію... я ей писалъ, я сватался, я ей подарилъ шестисотенное покрывало... И она сію минуту явится въ садъ, предложить свои чувства и объятія при лунномъ свѣтѣ...

Я, какъ воръ, бросился бѣжать изъ этой чертовской западни, а бѣжалъ... и увидѣлъ шарообразную фигуру, которая таинственно катилась ко мнѣ, закутанная въ мое великолѣпное бѣлое кружево. Я побѣжалъ еще шибче, шибче, къ калиткѣ... Заперта!

А шарообразная все ближе и ближе и простираетъ объятія...

Меня охватилъ ужасъ до безумія... Одна мысль: спастись, какою бы ни было цѣною, и ухватился за пьедесталъ мраморной Пандоры, вскочилъ на ея розъ изваянія, оттуда спрыгнулъ, отчаяннымъ прыжкомъ перемахнулъ чрезъ стѣну, очутился самъ отъ улицы.

— „И такъ упалъ, какъ падетъ мертвецъ"...

Бѣлое покрывало.

Разсказъ маркизы Коломби.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

Въ первый разъ я увидѣлъ *ее* въ галлереѣ Субальпина, въ Туринѣ, у Баррати. Я зашелъ выпить содовой воды, для пищеваренія послѣ завтрака и для возбужденія аппетита предъ обѣдомъ... Вотъ ужъ до чего я дошелъ.

Она была съ другой синьорой. Чтобы не показаться нескромнымъ, я не смѣлъ смотрѣть на *нее* прямо. Я обратился къ зеркалу и глядѣлъ на ея профиль. Что за профиль, господа художники! Что за профиль! Во-вѣки вамъ не создать ничего подобнаго!

Высокая, тоненькая, стройная... въ Миланѣ, я сказалъ бы: какъ верхушка собора; но вы, можетъ быть, его не видали.— Скажемъ: стройна какъ телеграфный столбъ, —красивѣе, граціознѣе, что добавите вы, моя читательница, тѣмъ пылкимъ воображеніемъ, которымъ вашъ злой духъ одарилъ васъ.

Я сказалъ „злой духъ", потому что для меня воображеніе было источникомъ злосчастія. Вотъ, послушайте. — Но не будемъ забѣгать впередъ.

Ея волосы были черны, какъ эти чернила, а лицо бѣло, какъ эта бумага; глаза живые, проницательные, какъ блестки остроумія, которыми я желалъ бы, если бы могъ, украсить мой разсказъ. А ротикъ...

Нѣтъ.—Здѣсь нужно остановиться. Ротикъ—поэма.

Читательница! вообразите, я увидѣлъ ее въ ту минуту, когда *она* открывала ротикъ и двумя пальчиками—двумя скрученными розовыми листочками! — вкладывала туда *marron glacé*. Этотъ *marron glacé* былъ изъ крупныхъ, и, натурально, *она* раскрыла ротикъ широко, будто кричала:

— Помогите!...

Если бы въ эту минуту могъ *ее* видѣть самъ Джіотто!...

Нѣтъ: клянусь на Библіи, на Коранѣ, на Ведахъ, на разсчетной книгѣ моего портнаго, не существовало во всей исторіи красоты человѣческой — ротика круглѣе *ея* ротика!

А зубочки! Что за свѣжесть! Сравнить бы ихъ съ рядами жемчуга, но риторы украли у меня этотъ образъ. Я долженъ удовольствоваться, уподобивъ эти красоты —малиновому желе съ миндалемъ... Немножко кондитерское сравненіе, но этотъ ротикъ не унизилъ бы трудовъ кондитора. О, нисколько!

Marron glacé былъ поконченъ; розовые пальчики захватили пряникъ, потомъ пирожокъ, затѣмъ сахарный сухарикъ, и все это исчезло въ „малиновомъ желе".

Сладкій сухарикъ поразилъ меня послѣднимъ ударомъ. Леденецъ, которымъ было осыпано превосходное печенье, трещалъ на бѣлыхъ зубочкахъ... кракъ-кракъ-кракъ...

Ахъ, что за кракъ-кракъ... Содовая вода бросилась мнѣ въ голову, въ носъ, повернулась въ горлѣ, — такъ сильно было мое потрясеніе. Я кашлялъ, кашлялъ такъ, что посинѣлъ. Кондиторъ сострадательно колотилъ меня кулаками въ спину. Я разслышалъ, какъ синьора, бывшая съ *нею*, сказала:

— Пойдемте.—Пора обѣдать

Сохрани ея красоту, святая Лучія! „Обѣдать"! О, какое сокровище—дѣвушка, которая можетъ обѣдать послѣ закусокъ въ кондиторской съ акомпаниментомъ ликера!

Никогда, въ самыхъ смѣлыхъ мечтаніяхъ моего труднаго пищеваренія, не воображалась мнѣ женщина съ такимъ крѣпкимъ желудкомъ, какъ эта красавица. Весь вечеръ, всю ночь я продумалъ о *ней*.

Мнѣ было тридцать девять лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Причетникъ моего прихода и сторожа при полиціи могутъ засвидѣтельствовать, что сорока мнѣ еще не было.

Я лишился родителей вскорѣ послѣ моего совершеннолѣтія и велъ нѣсколько веселую жизнь,—можетъ быть, слишкомъ веселую,—изъ которой вырвался, доведя отцовское наслѣдство до половины, а свои пищеварительныя способности до нуля. Конецъ дружескимъ обѣдамъ, вечернимъ пирамъ, молодымъ попойкамъ! Всякое изъ этихъ удовольствій начало стоить мнѣ нездоровья, и я кончилъ тѣмъ, что осудилъ себя на уединеніе, бифстексъ и содовую воду.

Много разъ приходила мнѣ мысль жениться, чтобы имѣть кого-нибудь, кто бы заботился о болѣзняхъ моего желудка и присмотрѣлъ за бифстексами. Но мнѣ все встрѣчались синьорины, которыя ѣли мало и пили одну воду. Я трепеталъ при мысли встрѣтить, подобный моему, слабый желудокъ, проводить всѣ будущіе дни супружества въ обоюдныхъ соболѣзнованіяхъ и въ угощеніяхъ другъ друга лѣкарствами...

При видѣ *этой* дѣвушки, брачныя мечты мои пробудились. Вотъ идеалъ желудка, къ которому я стремлюсь! Пищеварительный аппаратъ страуса и прелесть молодой дѣвушки!..

Я не зналъ, кто *она*. Одѣта, держится будто иностранка. Синьора, которая съ нею, маленькая, толстая, лицо красное; по щекамъ вьется водопадъ мелкихъ буколекъ, бѣлокуро-рыжеватыхъ съ сѣдиною; короткое платье, кожаные сапоги на двойной подошвѣ; длиннѣйшій голубой вуаль на уморительной шляпкѣ... Хуже ничего желать нельзя: туристка.

Однако эта пудовая бомба прощебетала по-итальянски:

— Пойдемте. Пора обѣдать.

Прощебетала... Точно-ли акцентъ былъ иностранный? Не могу сказать навѣрное. Все мое вниманіе было обращено на дѣвушку, и мои догадки объ ихъ національности основывались на очень неопредѣленныхъ замѣчаніяхъ.

Вдругъ меня поразила мысль, внезапная, жестокая, будто судорога въ желудкѣ.

— Если онѣ иностранки, путешественницы, онѣ могутъ завтра уѣхать... могутъ сегодня вечеромъ уѣхать въ Лондонъ, въ Нью-Іоркъ, въ русскія степи, и я *ихъ* больше не увижу.

Я говорилъ во множественномъ числѣ, разумѣя, конечно, *ее* одну.

Была уже ночь, когда меня поразила эта ужасная мысль. Я провелъ тревожные часы и, едва насталъ день, бросился въ музеи, въ фехтовальныя залы, въ королевскій садъ, на кладбище, обошелъ множество церквей, потомъ отправился въ театръ, —печальный при тускломъ полусвѣтѣ дня: ложи пустыя чернѣли какъ пещеры, какъ впадины глазъ у скелетовъ... Прекрасной иностранки нигдѣ не было.

— Она, вѣрно, въ Супергѣ.

Было четыре часа по-полудни. Въ Супергу я бы ужъ не поспѣлъ. Усталый, печальный я побѣжалъ скоро-скоро по дорогѣ къ По, до церкви Богородицы, и цѣлый часъ прохаживался, въ ожиданіи, что увижу, какъ онѣ воротятся въ городъ.

Ни тѣни! А я воображалъ *ее*, *ея* глаза, *ея* ротикъ, *ея* аппетитъ... *ея* изумительный аппетитъ! Мнѣ еще слышался „кракъ-кракъ" сахарнаго сухарика...

— А если *она* не выѣзжала изъ Турина? Если *она* тамъ и въ этотъ самый часъ упражняетъ свои зубочки?.. И въ самомъ дѣлѣ, съ чего я вообразилъ, что *она* отправилась зябнуть къ царственнымъ покойникамъ? Господи мой, Боже! А я-то самъ, какъ замороженный, торчу тутъ, жду *ее*... Охъ, это воображеніе!

И опять, скорѣе, бѣгомъ, вдоль По, не отдыхая, покуда, раскраснѣвшись, задыхаясь, не достигъ до кондитерской Баррати.

Она тамъ! Нашелъ!.. О, клянусь всѣмъ сладкимъ во вселенной! Мое сердце поднялось, будто послѣ завтрака.

Какъ наканунѣ, я помѣстился передъ зеркаломъ, чтобы смотрѣть на *нее* не стѣсняясь. Но круглая старушонка въ рыжихъ завиткахъ, не двигаясь сидѣла передъ *нею* и застила.

На этотъ разъ я рѣшилъ, что *она* не скроется, что я по крайней мѣрѣ узнаю, гдѣ она живетъ. Онѣ вышли,—я пошелъ за ними.

Она и ея спутница шли съ британскою поспѣшностью и заставили меня бѣжать до улицы Чернайа. Тамъ онѣ вошли въ маленькій домъ, окруженный маленькимъ садомъ.

Куда онѣ шли? Въ гости, или къ себѣ домой?

Я стоялъ не шевелясь, будто нѣмецкій часовой, и ждалъ разрѣшенія моихъ вопросовъ. Пробило шесть, шесть съ четвертью, шесть съ половиной. Дамы не появлялись... Наконецъ, какъ разъ въ шесть съ половиной, маменька сказала дочери:

— Пойдемте. Пора обѣдать.

Такъ онѣ тамъ обѣдали, тамъ, у себя. Старуха въ короткой юбкѣ и толстыхъ сапогахъ не могла же идти на званый обѣдъ.

Теперь я зналъ, гдѣ онѣ живутъ; это—ужъ что-нибудь. Но свойство любви—не останавливаться, восходя по лѣстницѣ желаній. Мнѣ хотѣлось знать, кто онѣ.

Я покусился войдти. У привратника была ободряющая физіономія.

— Отдается внаймы этотъ домъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, синьоръ. Наняли двѣ госпожи англичанки.

— А! госпожи..

— Да, госпожи... фамилія такая, что не выговоришь.

— Позвольте...

Я притворился, будто припоминаю.

— Ну, забылъ и я! Все равно. Одна молодая...

— Одна вдова, а другая—миссъ.

Я далъ привратникову мальчишкѣ ассигнацію въ пять лиръ и вышелъ, торжествуя.

Впрочемъ узналъ я немного. „Молодая особа—миссъ",—я это и прежде зналъ. „Старуха—вдова",—мнѣ до нея дѣла нѣтъ. Ея вдовство только избавляетъ меня отъ долгихъ ожиданій, покуда чрезъ Ла-Маншъ испросится согласіе главы дома на бракъ дочки.

Но я убѣжденъ, что онѣ живутъ тутъ, что невѣста не выскользнетъ отъ меня какъ угорь, не освищетъ моихъ надеждъ свистками локомотива...

Покуда я стоялъ у подъѣзда, пересчитывая собранныя свѣдѣнія, подошелъ лакей съ двумя бутылками сельтерской воды, прошелъ мимо меня въ домъ и взошелъ на лѣстницу, не говоря съ привратникомъ. Тотъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, вѣроятно стараясь запечатлѣть въ умѣ своемъ образъ человѣка, заплатившаго пять лиръ за три пустые вопроса.

— Прислуга госпожъ англичанокъ? спросилъ я, кивнувъ вслѣдъ человѣку съ бутылками

Привратникъ кивнулъ тоже въ знакъ согласія и притомъ ласково подмигнулъ. И это знакомство годится; слуга можетъ быть союзникомъ. А мнѣ былъ нуженъ союзникъ: прежде всего я романически желалъ познакомиться съ синьориной и увѣриться въ ея любви ко мнѣ, а потомъ уже свататься. Съ англичанкой такъ и слѣдуетъ, по правиламъ.

На завтра—повтореніе встрѣчи въ кондитерской и проводовъ до улицы Чернайа. Я пообѣдалъ въ трактирѣ, ушелъ, чтобы много не тратить, и въ семь часовъ прохаживался передъ домомъ, поджидая, не выйдетъ ли лакей. Я приготовилъ записку,—почтительную, серьезную, практичную, достойную англичанки.

„Синьорина! Въ первый же день, какъ я увидѣлъ васъ въ кондитерской, вы пожрали мое сердце вмѣстѣ съ сахарнымъ сухарикомъ. Я дворянинъ. Скромное родовое состояніе. Привычки мирныя, характеръ ровный. Возрастъ—тридцать девять лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Нѣсколько поврежденныя пищеварительныя способности. Послѣднее признаніе доказываетъ мою добросовѣстность. О наружности можете судить сами. Еслибы я могъ надѣяться пріобрѣсти ваше расположеніе, я былъ бы счастливъ предложить вамъ мою руку и на колѣнахъ просить вашей".

Затѣмъ—имя, фамилія и адресъ,—улица, домъ, все, чтобы она могла отвѣчать мнѣ.

Часовъ въ восемь лакей вышелъ изъ дома и направился въ лавочку на площади Сольферино, покупать газеты. Онъ возвращался, я подошелъ и спросилъ:

— Можете ли передать это письмо синьоринѣ?

— J don't understand, отвѣчалъ онъ.

То-есть „непонимаю".

— To miss,—сказалъ я, показавъ письмо.

— Yes, sir.

Онъ безъ отговорокъ, безъ удивленія взялъ письмо и пошелъ.

— Кажется, миссъ очень доступна,—подумалъ я.—Слишкомъ даже доступна. Какъ видно, маменька держитъ ее по-англійски, свободно.

Я ждалъ на другой день приглашенія или записки, которая дала бы мнѣ поводъ представиться маменькѣ, видѣть синьорину и познакомиться.

Боже, какъ я волновался! Будто двадцатилѣтній! Я бы поклялся, что мнѣ двадцать лѣтъ. Все забылъ—соду, магнезію, бисмутъ. Всю ночь читалъ какой-то нѣжный романъ.

Утромъ вскочилъ невѣроятно рано и перемѣрялъ предъ зеркаломъ всѣ свои черные и бѣлые галстуки. Въ девять часовъ я былъ въ полной визитной формѣ. Это, конечно, нелѣпо. Но я не могъ себя урезонить.

— Неизвѣстно, что могло случиться,—подсказывало мнѣ мое нетерпѣніе. Можетъ быть, мнѣ пишутъ, чтобы я познакомился съ *такимъ-то*, а тотъ познакомитъ меня съ другимъ, а другой представитъ третьему, а третій поведетъ къ четвертому, которому предоставлено право предложить себя, чтобы ввести меня въ домъ госпожи вдовы и миссъ... Предположивъ, что, кромѣ моего представленія, у этихъ господъ есть свои дѣла,—понадобится не мало времени всѣхъ ихъ отыскать и подвигнуть на дѣло. Такъ и лучше быть заранѣе на-готовѣ.

Скорѣе, нежели я смѣлъ надѣяться, явилась записка, на толстой англійской бумагѣ, длиннымъ англійскимъ почеркомъ... Оставляю въ сторонѣ описаніе біенія моего сердца, моего волненія, дрожи рукъ, когда я открывалъ конвертъ,—все это не разъ описано во всѣхъ романахъ, надъ которыми дремало человѣчество. Письмо пришло по почтѣ и состояло въ слѣдующемъ:

„Синьоръ, я не знаю васъ. Я недовольно свободна для того, чтобы просить васъ прійти познакомиться со мною. Какъ же быть?

Дженни Флатъ".

Ужъ конечно не благословенія послалъ я маменькѣ, которая держала въ неволѣ красавицу! Стоитъ-ли быть англичанкой, стоитъ-ли имѣть сговорчиваго лакея,—если надежды благороднаго человѣка должны прерваться на самомъ занимательномъ мѣстѣ!..

Я заслуживалъ состраданія! Въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ на три пуговицы, въ бѣломъ галстухѣ, съ *chapeau-claque* подъ мышкой; глаза вытаращены... и что было, крошечка, жалкаго аппетита—и то пропало!

Бѣдная дѣвочка! Жертва вдовьей тираніи!.. Но это не остановило меня, напротивъ. Она довѣрялась мнѣ; въ невинности души она спрашивала:

„Какъ же быть?"

Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть? Не признавать же себя побѣжденнымъ. Надо думать, искать... Есть средство: видѣть *ее* въ кондиторской!

Шарообразная старуха показалась мнѣ еще десятка на два лѣтъ старше и еще сквернѣе. Жадно жрала сахарные сухарики и возмущала меня. Она ихъ проглотила цѣлую дюжину и за каждымъ поглядывала на меня, будто хотѣла и меня проглотить.

Мнѣ мелькнуло подозрѣніе: она поймала мое письмо къ дочери и хочетъ меня запугать, чтобы не допустить нашего брака. Я рѣшился быть осторожнѣе и не пошелъ за ними слѣдомъ, когда онѣ вышли.

Онѣ не отправились, какъ всегда, домой, а вошли въ модный магазинъ, напротивъ. Предъ ними развернули штуки

бѣлаго тюля; тюль наполнилъ всю лавку, разостлался по столамъ, закуталъ синьору какъ туманъ.

— Бальное платье! Она ѣдетъ на балъ. Случай познакомиться... Нарочно въ этотъ часъ пришла въ этотъ магазинъ, чтобы я догадался!.. Гдѣ бы ни давался этотъ балъ, клянусь, я тамъ буду.

И я отправился узнавать, гдѣ и когда танцуютъ.

Былъ у всѣхъ свѣтскихъ пріятелей, у всѣхъ блестящихъ туринскихъ дамъ. Никто не зналъ, что гдѣ-то готовится праздникъ. Никто не собирался танцовать.

Я началъ тревожиться. Пошелъ въ клубы, кофейни. Останавливалъ, разспрашивалъ прохожихъ на улицѣ. Подайте мнѣ балъ, во что бы ни стало! Наконецъ нашелъ, въ Дорагросса. Изъ конторы моего нотаріуса вышелъ молодой человѣкъ и поклонился мнѣ. Я встрѣтилъ его вопросомъ, будто пистолетнымъ выстрѣломъ:

— Извините... Вы на этихъ дняхъ танцуете?

— Да, синьоръ, танцую: у Пепесале.

Я взялъ его руку, взялъ другую, пожалъ обѣ любовно. Въ порывѣ благодарности, мнѣ хотѣлось прижать его къ сердцу.

— Вы пойдете туда? вскричалъ я.—И я пойду! Доставьте мнѣ приглашеніе.

— Но, синьоръ......

— *Прошу васъ!* Не откажите! Вы не можете вообразить, какъ я желаю познакомиться съ семействомъ Пепесале. Самое горячее изъ моихъ желаній! Не сплю, не ѣмъ... Господа Пепесале необходимы для моей жизни, для моего счастія...

Надо было просить, настаивать. Бѣдный малый метался изъ стороны въ сторону, отговаривался, становился даже неучтивъ.

— Вѣдь это, такъ, маленькій, почти семейный праздникъ. Приглашаютъ только самыхъ близкихъ друзей... И безъ того много танцующихъ... А танцующихъ дамъ—мало...

Просто, я былъ лишній; меня не хотѣли! Но я все настаивалъ и, навязываясь вытянулъ приглашеніе.

Оставалось ждать три дня. Всякій день прелестная миссъ и жирная маменька, послѣ ликера въ кондиторской, шли въ модистскіе и магазинъ заваливался бѣлыми матеріями и бѣлыми покрывалами.

Наконецъ насталъ часъ. Я надѣлъ свой бѣдный черный фракъ, свой несчастный бѣлый галстукъ, взялъ свой *claque*... Среди порывовъ того утра онъ получилъ повреждение и при всякомъ движеніи издавалъ будто стонъ. Я одѣлся трепеща, и поѣхалъ.

Карета остановилась у указаннаго подъѣзда. Я заглянулъ въ окно.

— Дальше. Не тутъ.

— Тутъ, синьоръ. Номеръ тридцать первый.

Я посмотрѣлъ самъ. Да. Эта улица, этотъ самый домъ. Но въ сѣняхъ потемки, на лѣстницѣ едва свѣтъ, ни души прислуги, ни звука, ни одной кареты на улицѣ. А между тѣмъ—половина одиннадцатаго.

Я поднялся въ первый этажъ: всѣ двери заперты и—тишина. Поднялся во второй: всѣ двери заперты и вдали едва-едва что-то слышится. Въ третьемъ—звуки опредѣленнѣе. Должно быть, тутъ. Но всѣ двери заперты.

Хоть это и показалось мнѣ странно, я однако позвонилъ.

— Или у нихъ нѣтъ прислуги?—подумалъ я:—заставляютъ людей дожидаться.

Прибѣжалъ отворить тотъ самый писарекъ моего нотаріуса, что доставилъ мнѣ приглашеніе. Лакеевъ не было совсѣмъ. Единственная лампочка въ прихожей издавала ароматъ петроля, роковой для моего нѣжнаго желудка. Я чуть не повернулъ назадъ. Но, подумавъ о миссъ Джемми, нарядной, прелестной, я, съ геройствомъ влюбленнаго, сбросилъ пальто.

— О, Господи!.. вскричалъ писарекъ, пораженный, какъ-будто изъ-подъ моего пальто явилась конная статуя командора.—Вы... по бальному!

Я взглянулъ на него съ презрѣніемъ. Что-жь онъ воображалъ, дикарь, какъ я одѣнусь на вечеръ, гдѣ дамы по-бальному, въ бѣломъ? Посмотрѣлъ я на его *визитку*, на его шляпенку, на его черный галстукъ, а миссъ Джемми тутъ, въ облакѣ кружева!.. Скотина!

Я вошелъ въ залу, держа *claque* подъ мышкой, застегивая третью пуговку перчатки, и попросилъ писаря представить меня хозяйкѣ дома.

— Извините, ея нѣтъ... Она, должно быть, тамъ...

— Пойдемте къ ней,—сказалъ я, не отводя глазъ отъ пуговицы и продолжая идти на розыски хозяйки.

— Да что же вы!—вскричалъ юноша, удерживая меня:—развѣ вы хотите въ кухню?

— Въ кухню?

Изумленный, я поднялъ глаза и *оглядывался*.

Лучше быть подъ землею, чѣмъ смѣшнымъ на землѣ!

Зала въ нѣсколько квадратныхъ метровъ, голый каменный полъ. На меня съ удивленіемъ смотрѣли какія-то старухи въ чепцахъ. Группа дѣвушекъ въ темненькихъ платьицахъ. Онѣ выглядывали на меня, хохоча исподтишка, какъ уличные мальчишки. Пять-шесть студентовъ или сидѣльцевъ изъ лавокъ, всѣ безъ перчатокъ, и помогали дѣвицамъ надо мною насмѣшничать...

Въ эту минуту писарь, который бѣгалъ въ кухню отыскивать хозяйку, явился предо мною съ барыней въ черномъ крашеномъ платьѣ. Она протянула мнѣ голую руку.

— Очень пріятно познакомиться, господинъ...

И не договорила имени, какъ лавочницы, здороваясь съ покупателями.

Позднѣе, я узналъ, что Пепесале въ самомъ дѣлѣ лавочники, оставившіе торговлю.

Я сказалъ, что заѣхалъ только на минуту—извиниться, что не могу воспользоваться ея приглашеніемъ. Сказалъ, что меня ждутъ на подписаніе брачнаго контракта. Притомъ, чтобы оправдать эту отговорку, показалъ на свой туалетъ и направился къ двери. Меня преслѣдовалъ шумный взрывъ хохота барышенъ и купчиковъ.

—

Эта сцена повергла меня въ ужасное состояніе. Я былъ взбѣшенъ, осмѣянъ, разочарованъ... Больше вынести невозможно; мое спокойствіе было слишкомъ потрясено, а желудокъ!..

Что дѣлать? Миссъ Джемми это у меня спрашивала! Ей бы самой слѣдовало хоть немножко помочь. Возмущенный въ глубинѣ души, я написалъ ей:

„Синьорина! Я поставилъ себя въ смѣшное положеніе, отыскивая, гдѣ бы видѣть васъ. Я явился по-бальному на вечеринку къ лавочницѣ и раскланивался съ лавочницей. Почему вы не сказали, гдѣ были или гдѣ будете въ бальномъ платьѣ? Изъ состраданія, скажите.“

Я послалъ записку по почтѣ; на другой день—отвѣтъ.

Миссъ Джемми не ѣздила и не поѣдетъ ни на какой балъ; она ведетъ жизнь уединенную. Вдова и дѣвушка, одинокія, не могутъ посѣщать общества. Она находила, что супруга лавочника „*shocking*“, но это не бѣда. И еще повторяла, что не настолько независима, чтобы пригласить меня въ свой домъ.

Терпѣніе мое истощилось. Надо чѣмъ-нибудь кончить. Я вышелъ изъ дома, рѣшившись слѣдовать за нею вездѣ, отважиться на все, чтобы только познакомиться.

Но мнѣ принесли ея письмо часовъ въ пять, и я немного запоздалъ. Въ галлереѣ, у модистки на прилавкѣ, уже были горы тюля. Миссъ Джемми была тамъ.

Ничто не могло удержать меня. Возбужденная препятствіями моя любовь принимала неистовый характеръ. Я геройски распахнулъ дверь и вошелъ, крича:

— Дайте мнѣ галстукъ!

Я произнесъ это такимъ тономъ, будто: „кошелекъ или жизнь!!“, и сжималъ свой портмоне, будто убійственное оружіе.

Модистка была занята, развертывая великолѣпное бѣлое кружевное покрывало, которое показывала миссъ Джемми.

— Лучше, нарядиѣе этого не найдете,—говорила она.

— Вижу; мнѣ оно очень, очень нравится,—отвѣчала прелестная миссъ, голоскомъ, отъ котораго одурѣли бы всѣ семь греческихъ и прочихъ мудрецовъ. Но—дорого; я не хочу столько тратить. Довольно простаго тюлеваго.

Она вышла, бросивъ на кружевное чудо такой взглядъ сожалѣнія, что весь мой гнѣвъ разлетѣлся. Я былъ до слезъ растроганъ мыслью, что жестокая мать подвергала эту дѣвочку такимъ лишеніямъ... Въ моихъ глазахъ не было на свѣтѣ злодѣя хуже этой матери!

Я спросилъ цѣну кружевнаго покрывала.

— Шестьсотъ лиръ,—отвѣчала модистка.

То-есть—600, шестьсотъ...

Съ минуту у меня голова завертѣлась. Мнѣ показалось, что меня бросили съ колокольни. Я схватился за прилавокъ, чтобы не упасть. Но я скоро оправился и улыбнулся: счастливая мысль—сдѣлать дурачество. Да, я еще былъ способенъ на дурачества!

Тѣмъ болѣе, что это дурачество будетъ поставлено въ счетъ и внесено въ свадебный контрактъ... Потому что эта дѣвушка будетъ моею женою, должна быть, во что бы ни стало.

Я купилъ покрывало, приложилъ свою визитную карточку и приписалъ подъ своимъ именемъ:

„... Умоляетъ на колѣнахъ позволенія миссъ Джемми поднести ей это бѣлое покрывало. Если она пожелаетъ—оно будетъ покрываломъ вѣнчальнымъ!“

Вечеромъ у ея подъѣзда я дождался лакея и вручилъ ему картонку съ покрываломъ и карточку.

— *To miss.*

— *Yes, sir.*

Безъ всякихъ затрудненій!.. Какъ это—такая свобода на корреспонденцію, а принять гостя не можетъ?..

—

Едва я проснулся на слѣдующее утро, отвѣтъ ужъ былъ полученъ.

— Миссъ Джемми была очень, очень (*very, very*) тронута моей любовью и моимъ *брачнымъ* подаркомъ. Она была такъ благодарна, такъ желала имѣть собственную, свою семью, свой домъ, кого-нибудь, кто бы любилъ ее,—что соглашалась быть моей женою, если сердца наши поймутъ другъ друга при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Этимъ вечеромъ, въ девять часовъ, я долженъ придти къ калиткѣ сада. Лакей меня впуститъ. Миссъ Джемми въ отчаяніи, что такъ таинственно принуждена принять меня, но—она не свободна!.. Можетъ быть, мнѣ непріятенъ такой пріемъ?..

Читательница, подумайте только: „непріятенъ!!“—Мнѣ за нее было непріятно, за бѣдняжку-дѣвочку, принужденную прибѣгать къ подобнымъ уловкамъ съ благороднымъ человѣкомъ! съ человѣкомъ, который прилично просилъ чести представиться въ домъ, узнать ее, сдѣлать ее подругою своихъ радостей и огорченій!

— Вотъ до чего родительскія строгости доводятъ дочерей! восклицалъ я, еще разъ проклиная гадкую старуху.

Отказываюсь описывать мои волненія и этотъ безконечно длинный день. Проходили самые длинные лѣтніе дни, но этотъ былъ всѣхъ длиннѣе. Я позавтракалъ, потомъ пообѣдалъ. Позавтракалъ въ другой разъ; потомъ еще пообѣдалъ. Выпилъ съ дюжину чашекъ кофе. Пилъ содовую воду; пилъ сельтерскую. Одѣлся. Воротился домой и еще переодѣлся. Выкурилъ цѣлую коробку сигаретокъ, привелъ свой желудокъ въ самое жалостное состояніе. И все-таки было только семь часовъ. Еще два часа ждать!

Нанялъ карету, велѣлъ катать себя два часа. Но въ половинѣ девятаго не могъ больше терпѣть и приказалъ везти себя въ улицу Чернайа.

Лакей возвращался изъ лавки съ газетами. Едва увидя меня, онъ направился къ калиткѣ сада, отперъ ее и, какъ догадливый человѣкъ, ушелъ за своимъ дѣломъ.

Я вошелъ въ садъ, простирая объятія Джемми, которая, безъ сомнѣнія, прибѣжитъ мнѣ на встрѣчу. Но я обнялъ дерево: Джемми не было.

— Поторопился я,—сообразилъ я нѣсколько, и въ ожиданіи сталъ прохаживаться. Было тепло и темно. Окна дома отворены. Сквозь опущенныя занавѣски комнаты нижняго этажа виднѣлся свѣтъ.

Я не могъ укротить своего любопытства, подошелъ и заглянулъ подъ занавѣску.

Миссъ Джемми стояла передъ зеркаломъ и примѣряла простое, бѣлое тюлевое покрывало, разговаривая съ маменькой,—которой мнѣ не было видно: она сидѣла въ простѣнкѣ у самаго окна.

— Бѣлое покрывало не принято, говорила она. Мнѣ слѣдовало бы подъ-вѣнецъ надѣть черное, но я молода...

— И такъ хороша! прервала особа, сидѣвшая у окна.

Клянусь всѣми обманами, приводившими вселенную въ отчаяніе,—это былъ голосъ мужчины! Мужчина вошелъ въ домъ! Мужчина осмѣлился сказать, что она „такъ хороша“,—Джемми, моя Джемми! А она позволяла другому говорить это! смѣялась надо мною, обманывала, сбираясь на тайное свиданіе со мною!.. Такъ молода и такъ двоедушна!.. Я заткнулъ себѣ ротъ кулакомъ, чтобы не зарычать.

Этотъ мужчина, соблазнитель, всталъ... Правда прежде всего: онъ былъ красивъ. Лѣтъ, можетъ быть, тридцати, высокъ, черноволосъ, здоровъ... О, здоровъ!

Я видѣлъ, онъ подошелъ къ ней...

— „Сыра-земля, что же ты не разступилась“?..

Я видѣлъ, онъ обнялъ ее за талію, другой рукой взялъ ея прелестную черноволосую головку...

— Ты такъ хороша, моя Магдалена, моя невѣста...

Магдалена! Его невѣста!.. У меня затрепетали всѣ члены, мои мысли смѣшались... Магдалена... У меня въ карманѣ пальто скрипѣли толстыя письма, подписанныя „Джемми“. Его невѣста... А она писала, что принимаетъ брачный подарокъ, что согласна за меня выйдти!.. Я боялся обезумѣть!

— Хороша я или дурна, я не имѣю права надѣвать бѣлаго покрывала,—возразила она:—мнѣ еще нѣтъ двадцати двухъ лѣтъ и я вдова.

Немилосердый Боже! Вдова—она, она, молоденькая... и ее зовутъ Магдаленой!.. Кто же эта, миссъ Джемми?..

Она будто отвѣтила мнѣ:

— Вотъ и миссъ Джемми говоритъ, что вдовѣ должно надѣвать подъ вѣнецъ черное покрывало...

Такъ въ домѣ есть еще миссъ Джемми... Но ихъ въ домѣ всего двѣ дамы... Такъ миссъ Джемми и есть старушенка-гувернантка, тетенька, старая дѣва!

А я, я, благодаря своему роковому воображенію... я ей писалъ, я сватался, я ей подарилъ шестисотенное покрывало... И она сію минуту явится въ садъ, предложитъ свои чувства и объятія при лунномъ свѣтѣ...

Я, какъ воръ, бросился бѣжать изъ этой чертовской западни, и бѣжалъ... и увидѣлъ шарообразную фигуру, которая таинственно катилась ко мнѣ, закутанная въ мое великолѣпное бѣлое кружево. Я побѣжалъ еще шибче, шибче, къ калиткѣ... Заперта!

А шарообразная все ближе и ближе и простираетъ объятія...

Меня охватилъ ужасъ до безумія...Одна мысль: спастись, какою-бы ни было цѣною, я ухватился за пьедесталъ мраморной Пандоры, вскочилъ на ея рогъ изобилія, оттуда стремглавъ, отчаяннымъ прыжкомъ перекинулся чрезъ стѣну, отдѣлявшую садъ отъ улицы.

— „И тамъ упалъ, какъ падаетъ мертвецъ“...